Комиссия по проведению 20-летия революции
1905 г. при Уз. ЦИК'е.
Истпарт Средне-Азиатского Бюро ЦК. РКП(б).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Е. ФЕДОРОВ.

ОЧЕРКИ
НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ
в Средней Азии.

„Мировой капитализм и русское движение 1905 года окончательно разбудили Азию".

Ленин.

г. Ташкент.
Госиздат Узбекской ССР.
1925 г.

Комиссия по проведению 20-летия революции 1905 г.
при Уз ЦИК'е
Истпарт Средне-Азиатского Бюро ЦК. РКП(б).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Е. ФЕДОРОВ.

ОЧЕРКИ
НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ в Средней Азии.

„Мировой капитализм и русское движение 1905 года окончательно разбудили Азию".

Ленин.

Госиздат Узбекской ССР.
г. Ташкент.

Ташоблит № 158. Тип. № 2 Узгосиздата. Заказ № 1185. Тираж 3000 экз.

ОЧЕРКИ

Национально-освободительного движения в Средней Азии.

„Мировой капитализм и русское движение 1905 года окончательно разбудили Азию".

Ленин.

I

Движение русских царей в Среднюю Азию началось походами Николая I, если не считать экспедиций Петра I.

Интересы торгового капитала, расширение таможенной границы, жажда монопольного рынка в Азии побуждали русских царей к завоевательной политике на Востоке. В 1863 году кризис в текстильной промышленности в России, вызванный прекращением ввоза хлопка из Америки (там шла гражданская война), заставил русских царей напрячь силы для завоевания средне-азиатского рынка хлопка. Международное положение для этого наступления складывалось благоприятно. 1884 год, когда был взят Мерв, можно было бы считать годом полного «завоевания» Средней Азии.

Положение местного населения при царизме в стране, которая оставалась военным лагерем, было безысходно тяжелым.

Приглядимся к обстановке и положению, в которых находились местные оседлые массы.

До $^1/_3$ городских жителей—земледельцы. Значительные кадры составляют кустари и в очень небольшой степени сезонные рабочие на хлопкоочистительных и др. подобного типа заводах.

Земледелие в Туркестане, по преимуществу—мелкое хозяйство.

По данным переписи 17 года в Туркестане проц. хозяйств, владеющих землей от $^1/_6$ до 1 десятины на поливных землях, составляет—43,9. Владеющих от 1 до 5 дес. на поливных—33 проц.

Мелкие хозяйства затянуты тугой петлей задолженности. По опросу в 1909 г. 793 хозяйств, имеющих от $^1/_2$ до 3-х десятин, 54 проц. оказались с задолженностью в среднем в

229 р. 50 к., т. е. все хозяйства имели долга в среднем 107 р. 41 к. на хозяйство. [1]).

В 1903 г. у казиев (народные судьи) Ферганской области было совершено сделок: по васихам [2])— 76.819, на сумму 6.800.817 руб. и под залог имущества—53.105, на сумму 5.962.948 руб., а всего 129.924 хозяйства на сумму 12.763.765 руб. Сделки эти заключались, разумеется, с начислением «нормальных» азиатских лихвенных проц.

«Если представить себе, что в 1903 году в Ферганской области было всего 338.000 хозяйств, значит, из них около 50 проц. были почти безвозвратно закабалены через казиев. Если же принять во внимание вексельную и нотариальную задолженность русским, да массу сделок, проведенных без казиев, то прямо можно сказать, что в 1903 г. половина дехкан была закабалена, состоя в неоплатных должниках» [3]).

Система испольщины в Туркестане господствует и представляет собою наиболее тяжелую форму эксплоатации. Еще 1894 г. М. Вирский [4]) в обзоре хлопководства в Самаркандской области так описывал эту систему: «крупные спекулянты туземцы, не занимаясь сами хлопководством, но владея значительным количеством ирригационной земли, раздают последнюю мелкими участками от ½ до 1 десятины исполу малоземельным сельским хозяйствам с условием, чтобы весь урожай хлопка был доставлен им, владельцам, а они уплачивают испольщикам за половину по продаже сырца на базаре». Эта система носит название чайрикерства.

Лодзинские и московские текстительно-промышленные фирмы, еще с 80—годов, пустили в ход систему выдачи населению задатков под хлопок. Система эта заключается в следующем: осенью фабриканты раздавали деньги крупным скупщикам хлопка, те отдавали их мелким, а последние дехканам, рубля по 4 за танап, с тем условием, чтобы весь урожай переходил к ним по цене более дешевой, чем существовала на рынке.

Эта система, называемая «бунак», страшно эксплоатировала дехкан... [5]).

Еще более возмутительные операции развились уже в XX веке.

«Суть этих операций такова: «Артист» использования безвыходной нужды дехкана самой ранней весной выдавал ссуды

---

[1]) Цитирую по сборн. „Борьба за хлопок" М. 1918. Севастьянов И. стр. 55.

[2]) Туземная земельная закладная.

[3]) Там же стр. 55.

[4]) М. Вирский. „Обзор хлопководства в Самаркандской области за 1893—1894 гг.". Цитирую по М. Покровскому „Дипломатия и войны царской России в XIX веке" стр 342.

[5]) Г. Н. Шкалина „Статист. Ежегодн." т. II, стр 32.

частью деньгами под «нормальные» проценты, главным же образом негодными товарами, притом указывал лиц, которые эти товары у дехкан купят, например в кишлаке Аим какой-нибудь Турсунбай.

Действительно Турсунбай покупал эти негодные товары за пол-цены и уже сам выдавал по удвоенной или по утроенной цене другим дехканам также в виде ссуды, направляя их к первоначальным «артистам», как покупателям и т. д. Столь «идеальный» товарообмен совершался всюду» [2]).

Вот более подробное описание всей «кредитной» операции, данное т. И. А. Севастьяновым. «Задаток дехкан получает обычно по рекомендации комиссионера, в свою очередь получающего за то по 5 коп. с пуда, как с фирмы так и с хлопкороба, в особенности с последнего (если он сильно нуждается, уже должен какой-либо фирме или «благодетелю». Вексель пишется на всю сумму ссуды, но выдается она частями, при чем всякий раз при всякой выдаче дехкан платит либо комиссионеру, либо мелкому служащему фирмы.

«Когда хлопок-сырец собран, дехкан сдает его или «арбакешу», или везет на «пункт». Арбакеш -это просто человек, имеющий арбу, лошадь, знакомого «пунктового» и некоторый кредит. Он имеет, впрочем, еще один чрезвычайный инструмент—примитивные весы, где гири заменены камнями. Такой арбакеш—артист по части самого наглого обвешивания: ведь разница в весе и в цене являются его чистым «заработком».

«Не лучше, а еще хуже дело обстоит на «пункте».

«Здесь, правда, уже десятичные весы, особенно не любимые туземцами, но «ловкость» пунктовых приказчиков буквально не поддается описанию. Размеры результатов ловкости являются «заработком» пунктового. Подчас сырец для заманивания дехкана покупается на пункте дороже, чем на заводе. Так как для сырцовой покупки стандартов не существует, то у пунктового является и вторая сторона «заработка»: он по своему усмотрению (конечно, всегда не к выгоде хлопкороба) определяет товар:

1) по цвету, 2) по степени засоренности, 3) по степени влажности, 4) по прочности (этого, между прочим, не делают приемщики в Москве).

«Если дехкан минуя арбакеша и пунктового, привезет сырец прямо на завод, там его встретит приемщик и обработает ни чуть не хуже пунктового, особенно на бонитировке.

«Допустим, дехкан не согласен продать по данной расценке товар, все равно—увезти его с завода ему не удастся: ведь, при получении аванса он обязался уплатить за каждый пуд не сданного товара неустойку. Значит, дехкан или платит неустойку, или теряет при «продаже 20—25 проц. урожая.

---

[2]) „Борьба за хлопок" Севастьянов стр. 52.

«Крупные фирмы, которые даже и не нуждались бы в подобной системе, не могли обходиться без всех этих «формальностей», ибо при бешеной конкуренции им нужны были все эти скупщики и уловители товара... все эти служащие заводов являются «пролетариатом» хлопкоочистительной промышленности Туркестана». [1]).

Фискальная таможенная политика, установленная правительством по отношению к ввозному хлопку, нисколько не улучшала положения дехкан.

В январе 1903 г. установлен размер пошлины 4 руб. с пуда. Цены на Туркестанский хлопок стояли соответственно выше, чем они были бы при свободном ввозе хлопка. Эта разница попадала в руки «арбакешей», пунктовых приемщиков на заводах, баев и прочих живоглотов.

То же самое получалось и с другими привилегиями по развитию хлопководства, которые создавало правительство. Таково покровительственное поземельно-податное обложение. Хлопок в поземельно-податном обложении был исключен из числа преобладающих культур и земли, засеянные хлопком, облагались по такой же доходности, как пшеница, джугара, люцерна, кукуруза и пр. менее доходные культуры.

При этом вся налоговая тяжесть падала именно на самые мелкие хозяйства.

«Бедняк, имеющий менее 1/2 десятины земли, платил по 8 руб. 64 к. с десятины, а сельский бай, имеющий 6 десятин, платил из расчета 6 р. 96 к. с десятины. Получается так сказать обратно подоходный налог».

Вот эта паутина, завитая вокруг дехкана Туркестана царского периода, не давала совершенно вздохнуть дехкану, не давала возможности даже ставить вопрос о борьбе за улучшение своего положения и с другой стороны крепкими узами связывала интересы бая с русским капиталом, русской администрацией.

«Капитализм в земледелии, обращает внимание т. Ленин на ту истину, которую подчеркнул Карл Маркс в III-м томе «Капитала», не зависит от форм землевладения и землепользования. Капитал застает средневековое и патриархальное землевладение самых различных видов и феодальное, и надельно-крестьянское, (т. е. зависимо-крестьянское), и классовое, и общинное, и государственное, и т. д. Все эти виды землевладения капитал подчиняет себе, но в различной форме, различными способами». (т. IX, стр. 201).

Туркестанское мелкое земледелие есть, конечно, торговое земледелие, несмотря на то, что хлопок в Туркестане не играл в общей системе хозяйства преобладающей роли: 77,8 проц.

---

1) Сб. „Борьба за хлопок" И. А. Севастьянов стр. 65 66.

всей посевной площади засеяно было в 1915 г. не под хлопок, а культурами других злаков. [1])

Посевная площадь хлопка в тыс. десят. возрастала так: [2])

1870	9,7
1880	68,7
1898	152,0
1903	191,8
1905	216,0

Вместе с тем возрастал и ввоз хлеба и в 1908 г. этот ввоз составлял 8.307.000 пуд.

Грузооборот жел. дорог и товарообот с сопредельными странами являются показателем торгового хозяйства.

В 1905 г. по Ср. Аз. жел. дор. перевезено грузов 45 м. пуд., по Ташк. ж. д. также 45 м. пуд., всего 90 м. пуд. Товарооборот с сопредельными странами выразился в 4,148 т. пуд. [3])

Кроме того, развилось довольно значительно садоводство в Сыр-Дарьинской области, виноградарство в Самаркандской области.

«Все эти земледельческие культуры такого ряда, говоря словами т. Ленина, которые означают интенсификацию земледелия, увеличение размеров хозяйства при уменьшении площади земли под ним и увеличение в пользовании наемным трудом. [4])

По обследованию 2038 хозяйств в 1909 году оказалось, что 63 проц. их пользуются наемным трудом.

Вместе с тем, если тов. Ленин говорит, что американский юг—это «замкнутость, закорузлость, отсутствие свежего воздуха, какая-то тюрьма для «освобожденных негров», то можно с еще большим правом сказать это по отношению к Туркестанскому дехкану 1905 года.

В самом деле, проц. неграмотных негров составляет 44,5 проц., а проц. неграмотных узбеков 94,3.

«Район испольщины и в Америке и в России есть район наибольшего застоя, наибольшего принижения и угнетения трудящихся масс», говорит т. Ленин.

«Чайрикерство», «бунак»—пережитки феодализма и комиссионерство, чистачи—проявления новейшего капитализма. Это такие формы эксплоатации, которые возможны только в условиях самых гнусных феодальных пережитков.

Помимо темноты и невежества, из этих пережитков наиболее трудно преодолимой является религиозная косность, воспитанная в течение нескольких (с XIV века) столетий в условиях феодального регресса, сменившего собою торговый век

---

[1]) Сельхоз. обзор Турккрая за 1915 г. Изд. Перес. Упр. Таш. 1915 г. цит. Сб. „Борьба за хлопок" Севастьянова, стр. 38.

[2]) „Статист. ежегодн." Г. Н. Шкалина.

[3]) Васильев К. П.—Торговля Сред. Аз. „Стат. Ежегодн." 1, стр. 49.

[4]) Ленин, т. IX.

Средней Азии—XIII столетие, когда караваны верблюдов заменили водные пути, закрытые войнами на «ближнем» востоке.

Для эпохи упадка наиболее характерным являлся класс духовенства, подчинивший своему влиянию, своей нормировке все стороны и общественной и личной жизни.

Шариат устанавливает взгляд, что им все предусмотрено и регламентировано, что он вполне законченный кодекс, не подлежащий каким-либо изменениям и усовершенствованиям. Регламентируя, по возможности, все явления человеческой жизни, он подчиняет себе эту жизнь, проникает в ее интимнейшие уголки («не исключая интимных случаев супружеской жизни») и тем самым закабаляет не только деяния, но даже мысль и воображение верующего мусульманина. [1])

Из всех «великих» религий земного шара, говорит Султан Галиев, [2]) Ислам является самой *молодой,* а потому самой крепкой и *сильной по влиянию* религией. Указание на это можно найти у всех серьезных европейских исследователей Ислама. В этой религии больше, чем в какой-бы то ни было другой, имеется наличие *гражданско-политических элементов,* тогда как в других религиях преобладают чисто *духовно-этические мотивы.* Шариат, или мусульманское право, представляет из себя кодекс законов и правовых норм, регулирующих все стороны *земной жизни* мусульманина».

Ярким доказательством того, что ислам очень крепко всосался в организм оседлых мусульманских народов, является многочисленность мусульманского духовенства.

«В то время, как в России один церковный приход обслуживал не менее, чем 10—12 тысяч населения, у мусульман каждая мечеть приходится на 700—1000 душ, при чем при каждой из них имеется не менее 3-х духовных лиц: мулла, его помощник и муэздин (пономарь)» [3]). В Фергане же одна мечеть приходится на 325 человек. Ислам не имеет строго установленной и вполне организованной духовной иерархии. Каждый взрослый мусульманин, обладающий соответствующими качествами, может быть имамом (священник мечети), казием (судья), мударисом (учитель медресса), домуллой (учитель мектаба), муллой (ученик медресса). Основное, наиболее важное качество для всех этих лиц, является почет и уважение населения, которые основаны на богатстве и состоятельности, ибо, по мнению, установленному духовенством, бог отмечает богатством людей угодных ему.

---

[1]) „Материалы по мусульманству". В. I. Ташк. 1898 г., стр. 4.

[2]) „Вестник агитации и пропаганды". № 22. 23 за 1921 год стат. Султан Галиев.

[3]) Там же терминология духовных лиц здесь употребляется татарская.

Кроме мечетей, мектабов (низшая духовная школа) и мадраса (высшая мусульманская школа), существует еще целый ряд учреждений, которые являются проводниками влияния на массы. Таковы Далиль-хана, где заучивают тексты на арабском языке (этих Далиль-хана немного); Кара-Хана, где заучивают наизусть коран; Хадж—паломничество в Мекку,—каждый хаджи, посетивший Мекку, является порповедником фанатических предрассудков; Муй-Мубарак—башенка, где замурован волос из бороды пророка.

Шариат в числе своих правил имеет много таких, которые можно считать положительными. Например, хадис Магомета—«жажди познаний от колыбели до могилы»; отрицание частной собственности на землю, воды и леса, запрещение колдовства и др.

Но под влиянием духовенства, шариат в Средней Азии играет исключительно консервативную роль.

Особенно влиятельным отклонением от шариата является учение суфизма (тасавуфа) и суфитские ордена (сулюк). Тасавуфа не имеет ничего общего с исламом. Это пантеистическое учение.

Влияние суфизма велико и до сих пор.

В Средней Азии имеют распространение три суфийских ордена: Накшбандия, Кадырия и Каляндарей.

До последнего времени влияние ишанов через своих учеников—мюридов и ордена календарей через каждого своего члена (дервиш) на массы остается очень большим, несмотря на то, что в массах существует много анекдотов на их счет.

В 1905 году царское правительство в борьбе с Англией за влияние на мусульманские верхушки, а может быть в противовес начинающемуся «либеральному» движению среди мусульман (петиции, собрания, резолюции и пр.), разрешило Калькутскому «пиру всех пиров» легально собирать налоги с его мюридов в Ферганской области. Его приезд каждый год с тех пор сопровождался дикими оргиями, обиранием населения и затем подарками ишана русской пограничной страже (см. жур. «Средняя Азия»).

Царское правительство, сознавая силу влияния ишанов, готово было с ним расправиться, ибо всякое движение среди мусульман никогда не обходилось без их участия или влияния. Яркий пример—Минтюбинский ишан в восстании 1898 г. Но борьба за влияние на мусульман с Англией и боязнь влияния и силы ишанов останавливали его.

Все стороны жизни в эпоху упадка находились под влиянием ишанов, параллельно и наравне, а иногда преимущественно перед исламом. Примером могут служить «такия» ремесленников, во главе которого стоял «пир», «баба», «устад», т. е. мастер, освященный в своем искусстве и власти. Эти «такия», под влиянием нового под'ема торговли, разрушились и к концу

XIX сохранились еще «такия» мыловаров, маслобойщиков, конюхов и немногих других ремесл. [1]) Но влияние «рисоля» ремесленников, т. е. книжечки, содержащей в себе предание о данном ремесле и наставления ремесленнику, сохранилось до сих пор. Рисоля запугивают ремесленников на случай отступления от тех или иных правил, предписываемых ремесленнику. Напр., в рисоля земледельцев говорится, что тот, кто не имеет у себя рисоля восстанет в день страшного суда с лицом свиньи и будет проклят всеми ангелами и святыми.

В условиях развивающегося торгового капитала эти рисоля, такия, пир, ишан, календар, маддах [2]) являются феодальной формой капиталистической эксплоатации.

Дехкан в кишлаке и городе, как и ремесленник, опутаны очень густой паутиной феодальных пережитков идеологического и экономического порядка. Ни дехкан, ни ремесленник не могли быть в 1905 г. сколько-нибудь революционными, несмотря на свою крайнюю обездоленность, варварскую эксплоатацию, несмотря на большой кадр наемных земледельческих рабочих, ибо они зависели от бая, скупщика, комиссионера, ишана, календара и проч. Эти же последние благоденствовали, благословляли судьбу, ибо в их карман в значительной части перепадали тарифные привилегии хлопководству. Торговая буржуазия также заинтересована была в сохранении власти «белого царя», т. к. кроме всего, получила, сравнительно с ханской властью, гарантии неприкосновенности частной собственности.

По линии управления краем также создался целый ряд чрезвычайно благоприятных условий для эксплоатации масс со стороны баев. Короткая выписка из «Отчета по расследованию обстоятельств восстания туземцев Ферганской области в мае 1898 г.» дает наглядное представление об обирательстве народными судьями (казиями), волостными и сельскими старшинами трудящихся масс туземцев: «Народный суд. основанный на выборном начале, сделался продажным .. Народные судьи получают места только в том случае, если заручатся большинством голосов путем подкупа избирателей. О таком положении вещей знают все, не исключая администрации, и все же бессильны противодействовать этому укоренившемуся злу»...

«В совершенно тождественном положении находится сельская администрация в лице старшин и волостных управителей. Те и другие попадают на места тоже не иначе, как путем подкупа избирателей, разница только в том, что волостным управителям приходится платить гораздо больше, чем народным судьям и сельским старшинам, но зато деятельность их шире, разнообразнее, а потому способов наживы тоже больше. Гонорар за

1) „Матер. по мусульманству", вып. 1, стр. 33.

2) Публичные рассказчики религиозн былин.

Минь-Гюбинский Ишан Магомед-Али-Халифа Мухамед-Сабыр Оглы – руководитель восстания в Андижанском уезде, напавший на Андижанский гарнизон в ночь на 18 мая стар. стиля 1898 г.

Из дела 1898 г. по описи № 17. Том I Штаба Туркестанского Военного Округа.

избрание, на должность волостного управителя доходит до 7000 руб. Сколько же должно быть при таком расходе нелегальных доходов, чтобы покрыть все нужды избранного, когда волостные управители получают из земского кредита только 1000 руб. в год. Все это ведет к тому, что волостные управители поглощены изысканием способов наживы и доходят в этом до виртуозности». [1])

Всю тяжесть ответственности за невыносимо тяжелое положение трудящиеся массы естественно возлагали на завоевателей. Надежды на освобождение не умирали среди населения, несмотря на очевидное превосходство дальнобойного нарезного оружия русских войск перед... безоружными массами населения.

II.

В том же отчете о событиях 1898 г. Туркест. ген. губ. сообщал: «В Ферганской области, можно сказать, постоянно чувствуется брожение идеи «газават».

«Дела этого рода со времени занятия нашей области до сего времени не прекратились и с некоторыми промежутками во времени постоянно появляются в том или другом уезде».

Не считая разных захваченных администрацией дел этого рода в своем первоначальном зародыше, они открыто выражались: в 1878 году дело Джетым-Хана, во главе с Маматом, повешенным за это в Андижане; в 1882 году и в год приезда генерала Черняева был об'явлен «газават», с ханом во главе и виновные по этому делу были повешены в Маргелане и Андижане; в 1885 году было заметно движение в Маргеланском и Андижанском уездах, созданное Дервишханом; в 1893 году попытку об'явления «газавата» сделал Сабыр-хан из Кокандского уезда, тоже собравший около себя отряд и развернувший зеленое знамя, и, наконец»... 1898 г. [2])

В других областях было спокойнее. В Ташкенте нужно отметить холерный бунт 1892 г., когда неумелые мероприятия противохолерной борьбы перенос кладбища за город и др.) вызвали волнения, подавленные расстрелом безоружной толпы.

Уже «газават» Сабыр Хана 1893 г. мы должны об'яснить не только религиозно-национальными стремлениями узбеков.

Хлопковая горячка в Туркестане русских текстильщиков, развившаяся особенно в конце 80 годов (в связи с дороговизной американского хлопка) скоро дала результаты. Выдача хлопкоробам задатков вместе с семенами американского хлопка,

---

1) Стр. 52 „Отчета по расслед. обстоятельств восстания туземцев Ферг. обл. в мае 1898 г.".

2) Стр. 44 „Отчета по расследованию обстоятельств восстания туземцев Ферг. обл. в мае 1898 г.".

испорченными неумелым хранением, плохо поставленный прием хлопка охладили пыл текстильщиков и площадь засева хлопка сразу сократилась. В Самаркандской области, напр., в 1892 г. было засеяно 18,365 дес., а в 1894 г. только 9.589 десятин. Между тем за четыре года с 1890—1894 г. цены на хлеб возросли более, чем в 2½ раза. К этому времени в Фергане хлопчатник занял в различных местах от ⅕ до ½ всех культурных земель. Началась спекуляция на землю и обезземеление середняков. В 1893 году площадь хлопковых посевов в Фергане упала до 85 тыс. десят. с 89 тысяч. в 92 г. При огромной трудоемкости хлопчатника это сокращение посевов создало большой кадр безработных. Этими же причинами хищнической погони текстильщиков за хлопком об'ясняется обнищание масс и восстание 1898 г. С 1897 года в Фергане началось резкое сокращение хлопковых посевов, достигшее в 1898 г. 106 тыс. десятин, в то время, как в 1897 г. площадь посева хлопка составляла 117 тыс. десятин, а в 1896 г.—129 тыс. дес.

30 (17) мая 1898 года начальник Ошского уез. получил сведения о волнении среди кочующих киргиз Наукатской волости, почему 4 Турк. Линейн. б-н получил предписание принять меры охраны г. Оша; вооружена была прислуга, выставлена была дежурная рота, а две роты находились в полной боевой готовности; на горе Сулейман для наблюдения за старым городом была выставлена охотничья команда. В распоряжение уездного начальника для усмирения восстания была передана полурота за время с 30 мая по 1 июня, и за это время было 3 попытки напасть на пороховой погреб около г. Ош (рапорт команд. б-на от 19 мая д. № 4, ф. 1 л. 2).

Ночью с 30 на 31 (17 на 18) мая люди Дукчи-ишана оборвали провода между Андижаном и Ново-Маргеланом в десяти верстах от сел. Кува. Обвинение в этой порче телеграфа было пред'явлено жителям кишлака Тюрягул во главе с Игам-Берды-Дарбаном.[1])

Сам Дукчи Ишан с отрядом в 2.000 человек, вооруженных ножами, железными булавами, палками и подобным оружием, ночью с 30 на 31 (с 17 на 18) мая напал на казармы солдат под г. Андижаном. Окружил один из бараков, снял часового, бросился в барак и начал резать солдат. Убито было 21 чел,, несколько ранено. Остальные солдаты, разбуженные криками проснувшихся, бросились в ружье, на помощь выбежали солдаты из соседнего барака и, конечно, разбили отряд Ишана, перебив массу людей. Правой рукой Ишана, главой всей организации восстания и руководителем нападения был Мулла Зиауэтдин, убитый во время сражения[2]).

---

[1]) Заключение по делу Дукча Ишана № 10 ф. 1, д. 4, л. 26
[2]) Ф. 1 д. № 9.

Восстание начато было преждевременно, т. к. Ишан 30 мая получил извещение о предательстве волостного управителя в Ошском уезде Карабека Хасанова (передававшего свой донос через переводчика Ибрагима Чанышева). В награду от царя Хасанов получил пожизненную пенсию в 300 рублей в год.

По замыслу, восстание должно было охватить всю Фергану. Так, одновременно с нападением на Андижан, должно было быть нападение на г. Ош, под начальством Умар Бек Датха Бек Муратова, при чем мюриды Дукчи-Ишана Наукатской волости получили от Ишана приказ слушаться Умар Бека Датха[1]). В воскресенье 30 (17) мая, по письму Ишана к Умар Беку, раисы и некоторые более приближенные к Ишану диваны собрали к вечеру до 300 человек киргиз-мюридов на Ак-Тереке, где приготовили бунчук и значек. Огнестрельного оружия не было; полагалось драться кто чем мог: ножами, ботиками, палками, но каждый правоверный имел при себе освященную Ишаном палочку зубочистку, игравшую роль предохранителя от смерти, а следовательно и возбудителя воинского пыла. Сборным пунктом был назначен Тамчи-Булак в двадцати верстах от Оша. В Тамчи-Булак к полночи собрались жители Кыркол Сая, Ак-Терекцы и ожидали апалакцев и других. Почетные лица держали совет. В это время прискакал пятидесятник Таш-Ятсаибов с известием о выезде уездного начальника. Было ясно, что заговор открыт. Все разбежались. Поскакали известить Ишана[2]).

Организацию и нападение на г. Маргелан Ишан возложил на ичкимского волостного управителя Бакира Нурматова, пользовавшегося большой популярностью в своей волости, несмотря на то, что денежные дела Б. Нурматова сильно расстроились и он поэтому зависел от Кувинского богача и ростовщика Атабека-Бай-Барчи, осужденного потом как помощника Ишана в восстании. На деле главою в Маргеланском районе был Иноят-Хан-Искандер Хан Тюря (иначе Хидаят Хан Тюря). Минтюбинский Магомет-Али-Халифа, бывший дувалчи (мастер глинобитных построек) и икчи (мастер веретен), получил свое Ишанство от своего учителя Ишана-Султан-Хана Тюри Гайтокского и в свою очередь сделал Ишаном Иноят-Хана, близкого родственника умершего Ишана Султан-Хана.

Участники заговора нападения на Маргелан должны были собраться в местности Биш-Алыч, куда ожидали очень многих, но на деле явилось так мало, что Иноят-Хан с полутора десятком людей не мог уже ничего предпринять, а потому бросился на соединение с Ишаном к Андижану, через Куву[3]).

В ряду других районов Ферганской области, присоединившихся к восстанию Минтюбинского Ишана, занимает видное

---

1) Д. № 8, л. 3.
2) Д. № 8, л. 4.
3) Д. № 9, л. 2.

место Кургатская волость, занимающая северо-восточный угол Андижанского уезда и населенная почти исключительно кочевниками кара-киргизами.

Руководителями здесь были: житель аула Кара-Кургана Кулинской волости, Тюри Атакул Пайсата-Хан Назаров и «датхи» (начальник отряда) Кургатский волостной управитель Чибиль Абдуллабиев. Атакул Пайсат 28 (15) мая, за два дня до Андижанского восстания, привез в Кургатскую волость письмо от Мадали Халифа с призывом присоединиться к об'явленной священной войне и население нескольких аулов, созванное на совещание, не задумываясь решило принять активное участие в этой войне. Предполагалось по плану, принятому на «масляхате» (совещании) ближайших к волости аулов, напасть на расположенное в горах, недалеко от Кургатской долины, селение Каракуль, перебить стоявший там отряд казаков, захватить их лошадей, перебить живущих в горах русских лесооб'ездчиков и двинуться затем к Андижану на соединение к Ишану. Этот план не осуществился, т. к. Ишан потерпел поражение под Андижаном, но подготовительная работа отряда была начата: в с. Каракуль был захвачен провиант, оставленный там казаками, и был убит лесооб'езчик Караалминской дачи С. Лаврентьев.

Один отряд повстанцев под предводительством Ишмат-Ходжи-Хосан-Ходжиева организовался в кишлаках Кизыл-Аяк, Лябгордан (Достарханчи) и Катты-Кадым Ассакинской волости[1]).

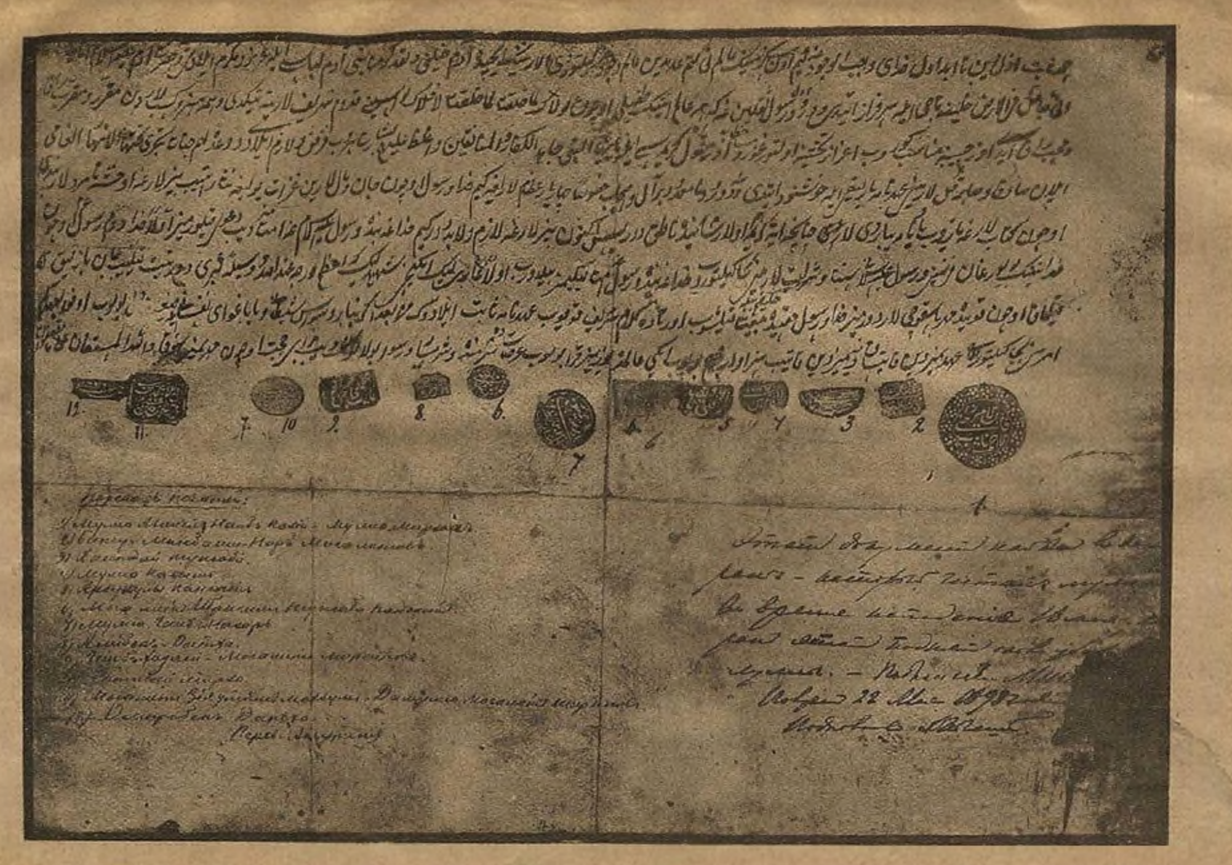
Как видно из рапорта командира 18 Турк. Лин. Б-на, военные власти ожидали после отступления Дукчи Ишана от Андижана, нападения на г. Коканд. С целью отрезать Дукчи-Ишана, в Язаванскую степь была послана рота 18 Т. Л. б-на 19 мая[2]).

Ликвидация сил Мадали Халифа под Андижаном, Ош и Маргеланом не скоро стала известна в других отдаленных местах. Недовольство властью и надежды на освобождение были так крепки среди населения, что оно не хотело верить оффициальным извещениям о поимке Ишана и его поражении. Отряд в Наманганском уезде, созданный Ишаном Шадырбек, несмотря на оффициальное извещение джигита о поражении Ишана и его аресте, не верил этим сведениям, продолжая готовиться к нападению на г. Наманган. Лишь убедившись в справедливости оффициальных известий, Ишан Шадырбек распустил свой отряд и побросал оружие в воду, когда стала приближаться полурота солдат под командой подполк. Бушен.

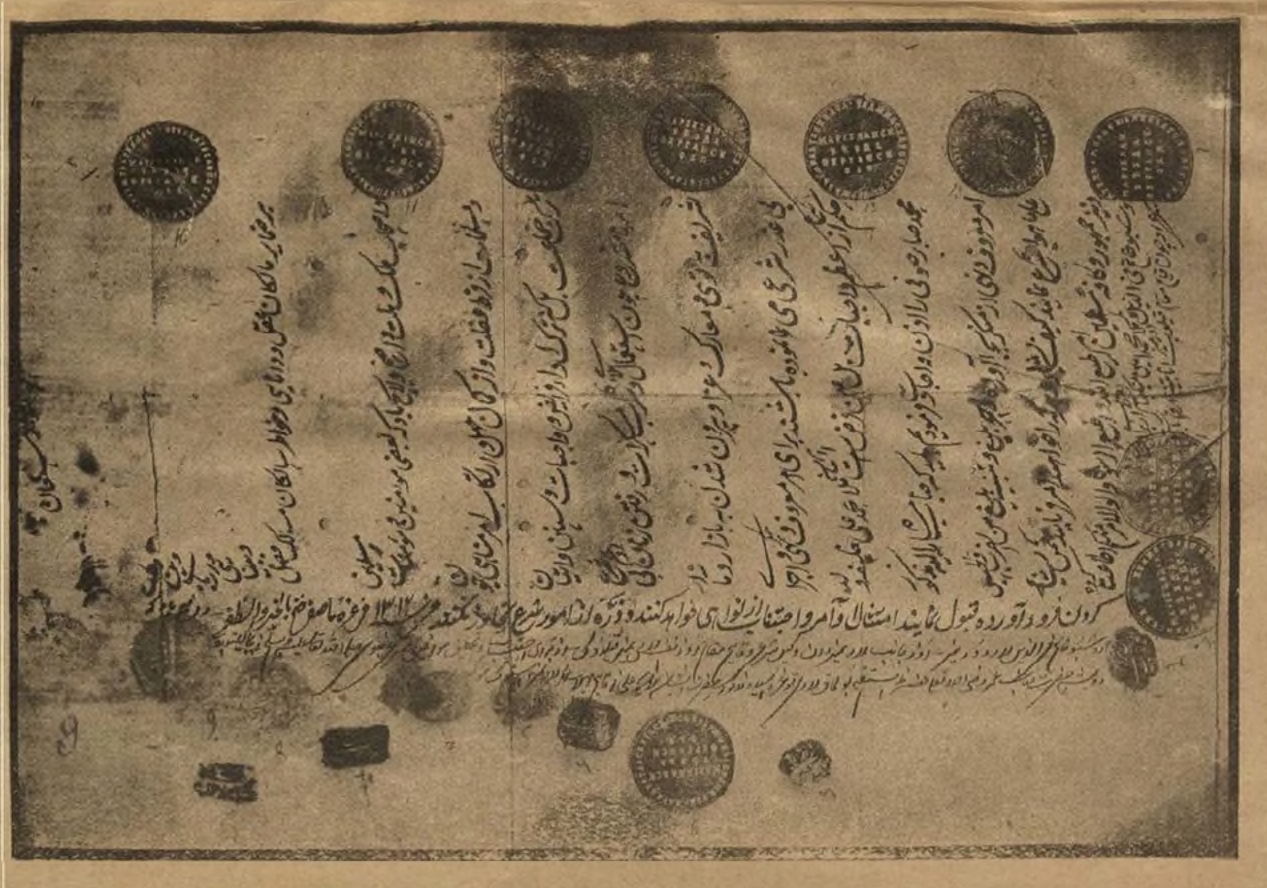
Как видим, восстание было задумано очень широко. В план его была посвещена почти вся выборная местная администрация и, очевидно, идея восстания была настолько популярна, что до

---

[1]) Заключение по делу Дукчи Ишана № 10 ф 1, д. 4, л. 265—268.
[2]) Ф. 1 д. 4, л. 4.

Воззвание Минь-Тюбинского Ишана к населению с об'явлением священной войны „Газавата“ против неверных 1898 г

Разрешение волостных правителей на об'явление „Газавата" (священной войны) в 1898 г.

самого последнего момента никто из волостных или кишлачных аксакалов не донес полиции о подготовке восстания.

Восстание поддерживалось и «большими людьми». Так, Махмуд-Али-бай-бача Хан-Мирза бай Оглы, узбек г. Андижана, старик 71 года, пользовавшийся огромной популярностью и построивший на свои средства мечеть Джами в Андижане, подготовил в Андижане вспомогательный отряд, присоединившийся к Ишану во время нападения на лагерь[1]).

Несомненно, что роль самого Ички Ишана Магомед Али Халифа во всем этом восстании была самая большая. Он воспользовался для этого восстания тем своим религиозным авторитетом, который он завоевал у населения приемами, свойственными вообще сектам суфизма.

Минтюбинский Ички Ишан Магомед-Али Халифа был мягкий по натуре, симпатичной внешности, с речью убежденной и внушительной. Он никогда не позволял себе возвысить голос, ибо это неприлично «большому человеку».

Нравственное чувство Мадали Халифа было очень высокое и оно импонировало окружающим. Мадали Халифа на следствии, когда нужно было доказать, что печать на документах о газавате не являются его печатью, указал, что подлинная его пачать имеется на его письмах к знакомым, но он отказался назвать кого-либо из этих знакомых, заявив, что за одно знакомство с ним эти люди пострадают. Люди верили в справедливость Мадали Халифа. Так, на 616 листе Андижанского следствия, некто Гаиб Куль, отрицая свое участие в восстании, заявил: «Минтюбинского Ишана он, Гаиб, не знает, о священной войне он ничего не слыхал, но если Ишан признает его, Гаиба, за своего мюрида, то, следовательно, это так. Ишан человек справедливый, врать не станет и скажет правду».

Ички Ишан завоевывал свой авторитет среди населения тем вниманием, которое отдавал бишаре (бедноте) еще тогда, когда он, никому еще неизвестный ученик Ишана Султан Хана Тюри, поселился в шалаше на высоком нагорном берегу реки Шарихан-Сая, на горной дороге, ведущей через Ассаке к Аравану и Ошу—большому тракту пилигримов, направляющихся к местным мусульманским святыням—для того, чтобы давать им приют и воду, приносимую на своей спине из Шарихан-Сая, протекающего в глубокой долине у подножия этих гор («адыров»). Долго здесь стояли два дерева, выращенные на обнаженном хребте «адыров», давая тень путникам и прикрывая странноприемную саклю и напоминая измученному и жаждущему путнику о благодетельном Ишане «Мадали Халифа»(сокращенное Магомет Али), который, как гласит народная молва, сначала на руках, а потом на осле таскал воду на стосаженную крутизну не только для того, чтобы поить народ и давать воду для

[1]) Д. № 12.

омовений при намазах, но и сделать чудо—вырастить деревья там, где их не было во век.

Эти приемы внимания к пилигримам, трудолюбия и самоотречения и создали Дукчи Ишану популярность. Популярность этого Мадали Халифа росла и на основе даровых угощений народу, называемых «халимами» (как в Куве) или «шалямами» (как их называли в Маргелане). Мюриды Мадали Халифа, угощая бедняков и путников от имени Ишана, распространяли вымыслы—рассказы о святости его, о боговдохновенности, о его чудесах лечений и видений. Например, 29 (16) мая, накануне восстания, жены Ишана говорили, что в эту ночь должны свалиться с неба золотой меч и серый конь... И вот, все женщины-соседки, кроме одной беременной, полезли на крышу, чтобы лучше видеть ожидаемое чудо. Долго ждали, но не дождались видения. (Показание джигита Магомет-Джана, на 588 л. Андижанского следствия). Много было разговоров о золотом ковше, посланном Ишану с неба, как символе неистощимости средств на кормление народа в течение 10 лет. (Показание Хаит-Бай Ира л. 321 этого же следствия). Считалось в народе вполне установленным, что в доме Мадали Халифа имеется чудесная печь, приготовляющая пищу без огня. (Д. № 9, л. 2).

Теми же приемами пользовались и его помощники в других районах. Так, в Маргеланском районе Иноят хан устраивал шалямы сначала в Ханабаде, Яз'яванской вол., а затем месяцев за 10 до восстания в г. ст. Маргелане, где он нанял дом рядом с Ходжа-хана (страннoприемным домом для паломников). Шалямы Иноят-Хан устраивал по понедельникам и пятницам и некоторых людей приглашал в особое помещение михман-хана, где велись переговоры самим Иноят-Ханом и его помощниками: Таш-Суфи и Ширмат-Хальфою (д. № 13).

Обаяние индивидуальных качеств ишана, его обычные приемы сулюк (орден) Накшбандия, имеющие характер обмана и одурачивания темных людей (напр. чудесная печь) создавали славу Дукчи Ишану. Количество его. поклонников—учеников (мюридов) возрастало очень быстро. Все это Дукчи Ишан использовал в целях восстания.

Непосредственным вдохновителем восстания, следствие называет (показания Иноят-Хана, Макамбаз Какибаева самого Дукчи-Ишана) Джалил Мир-Садык Карыев, уроженец гор. Андижана, с юных лет проживавший в Мекке и Константинополе. Карыев в начале 1898 года возвратился в Андижан, привезя с собой волос из бороды пророка. Он уверил Дукчи Ишана, что восстание повелел устроить Турецкий султан, и в доказательство предъявил «Султанскую грамоту» и отдал поношенный халат Ишану от имени и с плеча самого султана.

Восстание 1898 года было восстанием киргиз и узбеков. Национальный состав привлеченных к делу о восстании: кара-киргиз--257 ч., кара-калпаков—1 ч., кипчаков--3, узбек—112, таджиков--5 ч., тюрков--20 ч., выходцев из Кашгара 17 ч., всего 417 ч. [1]).

Восстание Дукчи Ишана произвело колоссальное впечатление на всю администрацию. Начиная от рядового русского жителя в Туркестане до царя Николая, все перепугались и убедились, что покоренный Туркестан покорен и завоеван не так уж крепко, как казалось им до сих пор.

Месть руководила администрацией и при подавлении восстания, когда были перебиты сотни людей и при судебном разбирательстве и при административных взысканиях с населения.

Царь от 3 июня (21 мая) «повелел указать» надлежащим начальствующим лицам, что виновные в нападении на войска в Андижане должны быть наказаны с примерною строгостью»[2])

Подозревали в заговоре положительно всех жителей, не только Ферганы, но и отдаленных районов Джетысу.

В Пржевальском у. в горах усердный начальник уезда в мае и июне перехватил 99 ч. киргиз, подозревая их в участии в востании и полагая, что они скрылись из Ферганы в горы, боясь преследования. Большинство из этой сотни оказались скототорговцами и все совершенно непричастными к восстанию. После долгого заключения в тюрьме дело об этих 99 было прекращено[3]).

В № 64 «Турк. Вед.» было опубликовано «объявление от Туркестанского генер.-губернатора», в котором сообщалось населению о казни Дукчи-Ишана и пяти его ближайших помощниках и, кроме того, что к следствию по делу Дукчи-Ишана было привлечено 546 человек, из которых 131 освобождены до суда, как невиновные, а преданы суду 415 чел. Из них оправдадо судом 32 чел., 3-х приговорили к заключению в тюрьму и отдаче в исправительный приют (как детей), а 380 к смертной казни через повешение. Царь хотел разыграть роль милостивца и, настаивая на «примерно строгом наказании», затем «даравал» жизнь 362 человекам и законопатил в каторгу без срока из этого числа 3-х, по 20 лет 147, по 15 лет 41, 13 л.—одного, 9 лет—одного, 7 лет—147, и 4 года--4-х.

В этом же об'явлении было сказано о наложении денежного штрафа на все население Ферганы и обещено снести с лица земли кишлаки, где жил Ишан, и соседние с ними; на место их построить русские селения[4]).

---

[1]) Черновой подсчет ф. 1. д. 4, л. 478).

[2]) Копия телегр. Главн. Воен. Прокурора от 27 мая 1889 г. г. ф. I д. 4, л. 132).

[3]) Заключение № 12 ф. I, д. 4. л. 269.

[4]) ф. I, д. 4, л. 304—305.

20 сент. 1898 г. Николай II утвердил доклад военного министра. В одном из пунктов этого доклада говорилось: «Одобрить проектированную ген.-лейт. Корольковым меру об отчуждении всей полосы, по которой прошла шайка Ишана Мадали от кишлака Мин-Тюбе до Дон-кишлака, с выселением жителей и устройством русских поселений, но без переселения туземцев в пределы Российской Империи».

Этого мало.

По определению суда с подсудимых должно было быть собрано в возмещение убытков, понесенных от восстания казной 130.556 р. Из этой суммы к апрелю 1899 г. собрано было 96.500 руб. путем распродажи имущества не только осужденных, но их родственников[1]).

III.

Жестокость подавления этого восстания, конечно, сама по себе не могла уничтожить национально освободительного движения. Лишь подъем хлопководства, повышение цен на хлопок с 1903 г. (когда введена ввозная пошлина—4 р. с пуда), поглощение всей обезземеленной, обнищавшей массы рабочих рук на хлопковых полях, дали умиротворение Фергане, если не считать постоянно существовавшего в большей или меньшей мере басмачества.

В 1906 г. в ответ на опасения ген. губ. повторения событий 1898 г. в связи с общим революционным движением— Ферганский губернатор Покотилло писал: «Едва ли можно допустить, чтобы события, подобные 98 году, могли застать нас врасплох. Для этого долгое сожительство русской власти с туземцами создало слишком много связей и интересов служебных, личных и материальных. Если связи эти недостаточно крепки, чтобы сопротивляться взрыву фанатизма, то в смысле предупреждения нас об опасности на них можно положиться».

«Вообще же, говорит он, степень опасности для нас появления какого бы то ни было ишана, в видах предупреждения повторения события 1898 г., будет зависеть от общего состояния недовольства умов и внешнего политического положения. В этом отношении, конечно, нельзя успокаивать себя мыслью. что развитие в области хлопководства и вообще промышленности дало туземному населению значительно более материальных выгод, нежели какие могли быть у туземцев в ранние времена. Дело в том, что богатства сосредоточиваются в сравнительно небольшом числе рук отдельных баев, в пользу которых силою вещей обездоливаются массы. Отсутствие доступного на местах, дешевого мелкого кредита превращает тузем-

---

[1]) Отв. Воен. Губ. Ферг. Обл,. ф I, д. 4, л. 153

цев землевладельцев, при растущей специализации всего сельского хозяйства на одном хлопке, в данников крупных богачей по уплате проц. на занятые суммы. Существуют некоторые наблюдения, что таким путем растет крупное землевладение, в ущерб мелкому, и бывшие мелкие собственники превращаются в батраков—чайрикеров. Естественное увеличение населения действует в том же направлении создания беззѐмельного пролетариата. Пока туземец прикреплен к земле и занимается трудом на собственном участке земли, он является благонадежным элементом порядка и государственности. Нарушение связи с земледельческим трудом, создавая безземельный пролетариат, должно содействовать увеличению элемента беспочвенного, безработного, недовольного, легко вовлекающегося в разные преступления и легко прислушивающегося к заманчивым обещаниям злокозненных людей». Действительно к этому времени площадь посева хлопка достигла в Фергане 190 тыс. дес., а по всем Узбекским областям—228 тыс. дес. тогда как в 98 году она составляла только 138 тыс. дес.

Но в начале войны с Японией и, особенно, в связи с обще-революционным движением в России и среди русского населения в Туркестане, вся Туркестанская администрация чрезвычайно опасалась взрыва.

Война с Японией заставила администрацию внимательно следить за настроением узбеков и других местных народов. Так, уездные начальники Самаркандской области во исполнение секретного предложения Сам. Обл. Правл. от 4/VII—03 г. № 252 еженедельно доносили в течение 1903 и 1904 года, что «за истекшую неделю настроение умов туземного населения вверенного уезда было спокойное». (Фонд Самаркандск Обл. Правл. № 27).

9 января вновь заставило Турк. ген. губернатора прежде всего внимательно присмотреться к политическим настроениям не в среде русских рабочих, а среди местного населения.

И это вполне понятно. Как кучку людей, заброшенных в массу враждебного населения, рассматривает администрация русских. Она очень хорошо помнит восстание 1898 г. в Андижане, превосходно учитывает испуг русского населения после этого восстания. Когда началась октябрьская забастовка 1905 г., С.-Дарьинский военный губернатор, получив благословение начальника края, обращается «в предупреждение дальнейшего развития беспорядков»—«к благоразумию населения города и рабочих», прося их не забывать, что «русскому населению, по *его положению* (разрядка моя Е. Ф.) и задачам в крае, в особенности *преступно обнаруживать свою рознь* и распущенность»[1]).

[1]) С.-Дар. Обл. Правл.. отд. расп., ст. I, д. 12/1905, лист 79.

Об этом же говорит на собрании представителей всех ведомств Ферганский губернатор Покотилло 25 октября 1905 г. Он считает свою власть после манифеста 17 октября сильнее прежней, ибо «малейшее послабление может дать широкое поле для произвола и смуты». «Надо помнить, заявил он, что мы здесь небольшая горсть русских среди почти двух миллионов туземного населения[1]).

Это не только агитационный прием против беспорядков. Правительство действительно больше всего боялось, чтобы революционная волна не захватила местных масс. Чем дальше от населения стоит администрация по правительственной иерархии, тем этот страх сильнее. Пристава, близко соприкасающиеся через волостных старшин, баев и манапов с населением совершенно спокойно доказывают в своих рапортах, что беспорядки ни коим образом не могут проникнуть в гущу населения. Они в своих донесениях иногда обосновывают свои выводы чрезвычайно детальным анализом хозяйственно-экономического положения населения своего участка.

Гр. Витте в шифрованной телеграмме г. губ-ру от 25 декабря 1905 г. говорит: «я вам советую ввести во вверенном вам крае военное положение и решительно покончить с забастовками и революционерами, иначе кончится тем, что мы *потеряем всякий престиж в туземном населении и подготовим восстание». (Разрядка моя Е. Ф).*[2])

К этому времени Т. Г. Губ-р Сахаров уже совершенно выяснил настроение туземцев и поэтому в уверенных тонах отвечает шифром: «не знаю, какие сведения имеет граф о Туркестане? Туземцы спокойны и держат себя вполне корректно. Введение военного положения пока не вызывается обстоятельствами». [3])

Но в начале 1905 г., под влиянием нарастающего революционного движения в России, ген. губ-р был иного мнения. В циркуляре Губернаторам № 118—121 от 16 апреля 1905 г. он писал: «среди киргизского населения замечается некоторое брожение, вызванное очевидно доходящими до них слухами противоправительственного характера». [4])

У страха глаза велики. Пуганая ворона куста боится. И военный губернатор С.-Дарьинской области в рапорте от 20 июня 1905 г. и ген. губ-р в отношении от 6 июня просят продлить срок действия усиленной охраны на г. Ташкент и уезд, на Чимкентский, Аулиэ-Атинский уезды, на Самаркандскую и Ферганскую области (т. е., главным образом, хлопковые

---

[1]) Доклад Ген. Губ. от 24 янв.—06 г. № 91 Ф. К. Г. Г. д. 27, л. 33—37.

[2]) Фонд. Канц. Г. Губ. д. № 18, стр. 148).

[3]) № 1162, фонд К. Г. Г д. 18. л. 150.

[4]) Ф. К. Г. Г., д. 1, л. 61.

районы). Мотив они выставляют общий: «Агитация против государственного порядка и общественного спокойствия может иметь большой успех, говорит воен. губ-р, среди местного туземного населения, среди которого до сих пор есть лица, не могущие примириться с русским владычеством и питающие еще надежду на освобождение. Среди туземцев были уже попытки к подаче петиций об улучшении их быта; по этому нельзя ручаться, что туземное население не считает настоящее трудное положение империи временем более благоприятным для осуществления своих вожделений». [1])

Выпиской из протокола К-та Министров от 9-го августа действие положения об усиленной охране продлено (там же, стр. 9).

В ответ на предложение Ген. губ-ра доносить о всяком «брожении умов» среди киргизского населения, получен целый ряд успокаивающих сообщений. Покотилло сообщает, что «по донесениям Маргеланского, Андижанского, Наманганского и Кокандского уездн. начальников среди киргиз никакого брожения не замечается (там же стр. 161)—От 16/XII Покотилло телеграфирует, что настроение русского и туземного населения вполне удовлетворительно, стачка ж. д. служащих разоряет туземцев, подрывает их веру русской власти,[2]) а позднее 11 января 1906 г. (рапорт № 5) сообщает, что за состоянием умов туземного населения Ферганской области, со стороны местного начальства имеется неослабное наблюдение . . . пока нет поводов подозревать присутствие среди туземного населения агитаторов с целью возбуждения туземцев против правительства. [3]) А от 24/I в докладе за № 94 говорит: я берег насколько возможно от вредных влияний туземное население. «Среди туземного населения в Фергане, всегда немного буйного, был полный мир и тишина. [4]) Начальник Аулиэ-Атинского уезда в рапорте от 30 ноября (№ 2007) сообщает, что „киргизское и сартовское население совершенно спокойно“ (там же, лист 262).

IV.

Но вместе с тем петиции, собрания, выборы делегаций и даже сведения (хотя и не проверенные) о вооружение туземцев, продолжают чрезвычайно беспокоить администрацию. Политический агент в Бухаре Рось от 27 июля 1906 г. сообщает в г-ру Сыр-Дар. области (№ 190): «По дошедшим до меня слухам, сарты из Самарканда, Ферганы и Ташкента покупают в Стар. Бухаре револьверы и ружья, которые увозят с собою.

---

1) Фонд К. Г. Г., д. 8 л 5 7.
2) Ф. К. Г. Г. 22, л. 7.
3) Ф. К. Г. Г., д. 22.
4) Фонд К. Г. Г. д. 27, л. 33 37.

В Самарканде будто бы нет дома, в коем не было бы ружей и револьверов» (там же, л. 150). В апреле того же года нач. Андижанского уезд. сообщает г. г-ру Ферганской обл.: «за последнее время в г. Андижане ходят слухи, что якобы Ташкентские татары, руководимые своими людьми. собрались подать государю—императору петицию, в которой будут просить о назначении в Туркестанский край ген. губ-ра, губернаторов и уездных начальников из мусульман, имеющих образовательный ценз.

«На подачу петиции выбрана якобы депутация из 8 человек, расходы по поездке которой назначено шесть тысяч рублей. Деньги уже собираются в Ташкенте и Самарканде».

«У мусульман отобраны вакуфы, они обоброчены слишком высоко, правительство не входит в их нужды, поступает не справедливо»—вот главные якобы побуждения к петиции. Мусульманское население все это сознавало, но надо было молчать и пережить. Теперь же пришло время, что татары просили благословения у турецкого султана на подачу петиции, который одобрил это и советовал в случае неудачи домогаться силой.

Для проведения всего дела избраны татары, более даровитые и развитые. (Там же, лист 112). Однако начальник г. Ташкента Караульщиков от 4 мая за № 94/2622 извещает С.-Дарьинского губернатора: «скорее всего и вернее, что в Андижане пошли толки и разные слухи . . . по поводу той петиции, которую предполагали послать Ташкентские сарты». .. (там же, лист 115—118)—Историю этой петиции Караульщиков рассказывает в докладе 19 января 1906 г.: „Помещенные в начале минувшего года, (т. е. в 1905 г.) в газете «Тарджиман», издаваемой в Бахчисарае, разные заметки о брожении русских и мусульман в пределах России, а также «петиция» казанских татар на имя председателя Комитета Министров вызвали брожение среди населения г. Ташкента, которые в числе 10—15 чел. в марте мес., собравшись в доме жителя Сибзарской части Махаля (квартала) Сары-Хушдан Хаким-Ходжи-Ахун-Ходжаева, одобрили составленную жителем Кукчинской части мах. Чигичман Султан-Ходжа Садык Ходжаевым применительно к местным условиям петицию и представили мне . . Не получив никакого оффициального ответа, туземцы начали собираться для обсуждения намеченных в петиции просьб в разных местах и 26 апреля такое сборище было обнаружено мною на даче сарта Кукчинской части мах. Каляхана Магомет-Усмана-Нигман-Ходжаева; на сборище этом были сарты Шейхантаурской части (5 ч.) [1]), Сибзарской части (3 ч.), [2]) Кукчин-

---

1) Абду-Кари-Ходжа-Абду-Маликов. Таджи-Иса-Магомедов, Исраиль Ишан Ибрагим Джанов, Мир-Дада-Мир-Вафаев. Юлдаш-Курбакбаев.

2) Умар-Кары-Зия-Магзумов. Хаким-Ходжа-Ахун-Ходжаев, Умар-Хаджи-Ходжа Ислам Ходжаев.

ской части (6 ч.) [1] Они, как выяснилось, советовались подать прошение на высочайшее имя с просьбой даровать им разные льготы; просьбы эти о льготах они основывывали на повсеместных ходатайствах о нуждах населения якобы удовлетворяемых правительством. Составить и подать прошение они письменно уполномочили Мир-Даду-Мир-Вафаева, Хаким-Хаджи-Ахун-Ходжаева, Исраильджана-Иногам-Джанова, Таджи-Иса-Магомедова, Адиль-Ходжи-Таджи-Кариева, Вали-Ходжи-Абду-Набиева, Султан Ходжи-Садык Ходжинова. Мулла-Адиль Таджи-Кариев взял на себя труд собрать подписи на уполномочие от туземцев». После угрозы арестом и вызова всех участников совещаний к нач. города,—собрания прекратились. [2])

Это все, что является непосредственным отражением среди узбеков Туркестана эпохи «Правительственной весны», событий 9 января и забастовочного движения начала 1905 г.

Тем не менее Сахаров чрезвычайно беспокоится и всю опасность видит не в самодовлеющим значении забастовочного и революционного движения русских рабочих или интеллигенции, а в том, что это движение найдет тот или иной отклик в среде местных масс. 10 октября 1905 г. Сахаров пишет Трепову: «За последнее время замечается значительное усиление в Туркестанском крае революционных элементов... Нужно опасаться, что у туземцев явится сомнение в силе русской власти если они воочию будут убеждаться, что мы совершенно бессильны бороться с горстью мальчишек, которые игнорируют и администрацию и полицию. От такого сомнения один шаг до колебаний и быть может до массовых вспышек туземного населения, среди которого всегда имеются фанатики, ожидающие лишь удобного случая, чтобы повторить Андижанские события 1898 года.[3]).

Но опасения Сахарова оказались совершенно необоснователъными, в чем он убедился во время событий в октябре и ноябре месяце.

Национально-религиозно-освободительное движение в 1905 г. затронуло массы купечества и духовенства. Наибольший интерес в их среде возбуждали вопросы самостоятельного религиозного управления (по примеру Оренбургских татар, получивших такое управление чуть ли не от Екатерины II) с «валия» во главе, восстановление вакуфов, восстановление прав казиев, разрешение хоронить мертвых в черте города и лишь попутно вопрос об отдельном от нового города городск. самоуправлении.

---

[1]) Султан-Ходжа-Садык-Ходжанов, Мулла Адиль-Мир-Гаджикариев, Абду-Малик Ходжи-Абду-Набиев. Магомет-Гани Исмаилов (татарин) Набира-Хан-Ишан-Наби Ханов, Мулла-Ша-Гияз-Мулла-Ша Ильясов.

[2]) С. Д. обл. Прав., отд. распр., ст. I д. 13/1905 г, лист 92—93.

[3]) Фонд Канц. Г. Г., д. 17. стр. 3—4.

Все эти требования повторяются в тех письмах и наказах, которые были получены членом II Госуд. Думы от ст. гор. Ташкента Абду-Кариевым и отобраны при аресте его в 1909 году. Но и среди «улемы», стойких почитателей традиционного понимания шариата, были непримиримые враги такого рода управления церкви, как «валия». Однако, в целом, группа исламистов, представленная большинством на нелегальных и легальных собраниях 1905 г. и членом II Думы Абду-Кариевым, была враждебна другому течению среди узбек и киргиз всей Средней Азии, в том числе и Бухары. Это течение зародилось под непосредственным влиянием газеты «Таджиман» и имеет название «джадидчи». Джадид Бехбуди в Самарканде первый открыл ново-методную школу. Такую же школу открыл Мыновар-Кары-Абдурашитов в 1904 г. в ст. городе Ташкенте.

Борьба за новометодную школу—основной лозунг джадидов и выражает интересы наиболее крупной торговой буржуазии, которая нуждается в грамотных торговых служащих.

Отчасти под непосредственным влиянием событий 1905 г., а гораздо больше, как отклик на революционное движение в Турции, Индии, Персии, борьба за ново-методную школу получила развитие уже после 1905 г. В 1908 г. при канцелярии ген. губ. была организована особая комиссия «по вопросу о разведке вне и внутри Туркестанского края». В первом же протоколе эта комиссия заявила: «брожение среди русских мусульман (после 1905 г.) не улеглось и неизвестно, какую еще примет форму. Весьма важное в этом отношении значение имеет революционное состояние таких мусульманских государств, как Индия, Персия, Турция и др. [1]).

Ген. губ. разделял эти опасения полностью.

Движение джадидов сначала не замечали ни полиция, ни учебный округ, который не имел никакого отношения к надзору за духовными школами туземного населения. Известный руссификатор и миссионер Остроумов бил тревогу из-за нового метода в школах.

«Комиссия по вопросу в разведке» . . . . также поддерживала его. Ревизия сенат. Палена вновь натолкнулась на вопрос об отсутствии учебного надзора за школами туземцев и на новый метод. В результате ввели ограничения.

В школах допускались учителя одной только национальности с учениками. Этим хотели устранить влияние джадидов-татар.

К 1912 году в Ташкенте полиция и охранное отделение (и они занялись вопросами просвещения) насчитывали 12 новометодных школ с количеством учеников больше 1000 человек. В Коканде в начале 1913 года было уже 13 ново-методных школ и 31 книготорговля.

---

1) Фонд канц ген. губ., 202.

Тов. Шакирджан Рахими [1]) насчитывает в Туркестане к 17 году в разных городах 39 ново-методных узбекских школ. Много молодых людей было отправлено в Константинополь для учебы. Вместе с тем, помимо газеты «Тарджима», стали получаться в Туркестане другие прогрессивные газеты из России. Турции, Персии и Афганистана.

С 1906 года издавались и правительством закрывались целый ряд газет джадидчи: «Таракки», Шухрат», «Фуршит», «Садо и Туркестан» (в Ташкенте); «Самарканд», «Ойна» (в Самарканде), «Бухара-и-Шариф» (в Бухаре); «Садо-и-Партана», «Эльбай-Раги» (в Коканде).

Читальни в Самарканде, Коканде, Намангане, любительские театральные труппы также делали свое дело борьбы за культуру и через просвещение за национальное освобождение.

Не малую роль сыграло общество «Помощь», утвержденное Сыр-Дар. губернатором 12 мая 109 г.

В связи с этим «джадидчи» захватил молодую интеллигенцию и в Бухаре.....

V[2]).

В течение семи последних столетий Средняя Азия была центром мусульманской схоластики. Здесь «ученые» усердно занимались изучением арабского языка, разрабатывали и группировали детальные вопросы права и богословия.

Самарканд при Тимуре и его преемниках привлек к себе все ученые силы мусульман, и слава города Самаркада была велика. После распада громадного царства Тимура, упало и значение его столицы. Первенство перешло к «священной» Бухаре.

Около ста лет тому назад, когда на Кокандский престол вступил Омар-Хан, Кокандское ханство пережило свой кратковременный золотой век.

В ханство Омар-хана гор. Коканд стал играть роль нового мусульманского центра, хотя и второстененного. Коканд соперничал с Бухарой зданиями некоторых своих медрессе (высшая духовная школа), ученостью мударисов (учитель-знаток шириата) и количеством учащихся мулл (мулла по узбекской терминологии—ученик медрессе; в Бухаре ученики медресе носят название—муллабачи.

Общемусульманское значение средне-азиатских богословов, правоведов и знатоков арабского языка в свое время было очень велико. Достаточно упомянуть, что некоторые наиболее известные и авторитетные книги шариата, служащие руководством для мусульман сунитов, написаны в Средней Азии. Хидая-и-шариф написана в гор. Маргелане, и автор этой книги впоследствии получил место преподавателя арабского языка

---

[1]) Журнал „Наука и просвещение" 1922 г. № 2.

[2]) Глава написана на основании материалов полит. агентства в Бухаре.

и богословия в медресе в г. Медине. *Акаид*—написана в Бухаре. Хикмат-уль-аин в Самарканде. Принято считать, что последнюю редакцию шариата дала Средняя Азия.

Бухара—благоухащий источник мусульманского правоверия и учености. Это мнение мусульман—суннитов держалось до последнего времени. Единоверие среди мусульманского населения Средней Азии, полное господство суннитов обеспечивали за духовенством очень большое влияние. В течение многих столетий Средняя Азия переживала феодальный регресс после торгового XIII века. В годы феодальной депрессии, наряду с разработкой вопросов шариата, регигия закостеневала, каменела, подчиняя своему влиянию и нормировке все стороны медленно текущей жизни верующих.

Влияние духовенства на жнзнь верующих сказывалось особенно рельефно в Бухаре, которая для Средней Азии, несомненно, сохранила свое значение центра мусульманского просвещения до последнего времени, т. е. до революционного

переворота и привлекала учащихся со всей Среднел Азии.

Во главе официальной бухарской духовной иеррхии стоял Ахунд (должность шейх-ул-ислама упразднена лет 30 тому назад). Это высшее духовное лицо, окруженное почетом всего населения и обычно имевшее высший духовный титул саидра. Вторым является Алям. Третий—Муфтий Аскер. Последнее лицо во времена самостовтельности Бухары играло значительную роль и, как показывает самое название (муфтий аскер-военный муфтий), это лицо было непосредственно с войском эмиров, сопровождая армии во время походов. Муфтий-аскер решал по шариату все дела, возникавшие между воинами и улаживал всякие недоразумения. В последнее время при эмире эта должность потеряла свое специальное значение, и Муфтий Аскер является лишь третьем лицом после Ахунда. После этих трех лиц следует 12 муфтиев, из которых некоторые имеют, другие же не имеют какой-либо духовный сан. Все перечисленные духовные лица, начиная с Ахунда, являлись мударисами в различных медресе, при чем каждая из трех высших духовных должностей связывались с преподаванием в определенном медресе. Так Ахунд преподавал в медресе Кокальдаш; Алям медресе Гаукушан и муфтий—аскер в медресе Мир-Аараб. Остальные муфтии занимались преподаванием в других менее значительных медресе. Все эти лица являлись первыми авторитетами в Бухаре по вопросам шариата. Всякое судебное решение Казия или даже Кази-Каляна (верховный судья) основывалось на выданных этими лицами ривойятах, а всякий, желающий придать возможно больший авторитет взятым ривойятам, обращается обыкновенно к нескольким муфтиям, которые за известную плату м прикладывают свои печати.

Муфтии в Бухаре редко занимались сами лично составлением ривойятов и имели обыкновенно мулл, которые подыскивали соответствующие случаю места из шариата и изготовляли ривойяты, к которым заранее муфтии прикладывали печать. Таким образом, проникая в среду муллабачей в качестве преподавателей медрессе, другой стороной своих функций высшее духовенство соприкасалось с населением и пользовалось огромным влиянием на народ, жизнь которого до мелочей должна определяться шариатом, соблюдение которого, хотя бы и показное, безусловно необходимо для всех. Прослыть плохим мусульманином, нарушающим внешние формы одинаково опасно было и бухарскому чиновнику и купцу, так как консервативное правительство не оказывало доверия такому чиновнику, а резко нарушивший шариат купец мог лишиться всякого доверия бухарских коммерсантов.

В Бухаре правительство, а особенно судебная власть непосредственно зависели в своих решениях от тех ривойятов, которые выдавали муфтии. Кази Калян (министр) и Куш-Беги (премьер) в своих решениях по какому-либо более или менее серьезному вопросу не могли итти против ривойята, к которому были приложены печати 12 муфтиев. Даже такой энергичный, сильный и популярный Кази-Калян—как Бадреддин-Садр, которого долго после его смерти бухарцы вспоминали с уважением, несмотря на свой огромный авторитет, не решался итти против заведомо неправильных ривойятов. Бадреддин-Садр старался убедить составителей в неверности ривойята.

Очень характерным показателем степени влияния всех этих духовных лиц является история с осуждением новометодных школ. Под влиянием общего под'ема революционного национально-освободительного движения на Востоке, после русской революции 1905 г., в древней Бухаре зародилось движение джадидов. Ответные волны революции 1905 г. из Турции оказали свое влияние на развитие этого движения и в частности на название джадидов. Они, по примеру младотурок, называли себя младобухарцами. Под влиянием разительных успехов обучения по новому методу (это было в 1907—1908 год.) один муфтий Икрамутдин Урон высказал мнение, что новый метод обучения не противен шариату. Это еретическое мнение было встречено с крайним неудовольствием всеми прочими авторитетами шариата и Алям Мулла Икрамутдин письменно отказался от своего мнения, авторитет его сильно поколебался и после этого Икрамутдин ни разу уже не позволил себе высказать какое-либо суждение об «усули джадид» и, когда чиновник М. Внутренних Дел Наумов старался вызвать Икрамутдина на беседу по этому вопросу, он отвечал: «Алям лучше знает и его мнение и есть сама истина».

Газета «Тарджиман» в 1909 году поместила целый ряд писем из Бухары. В № 41 от 9-го октября (22 н/с) говорится:

«9 месяцев тому назад в священной Бухаре открыта вторая школа со звуковым методом преподавания. За эти девять месяцев достигнут поразительный успех. Дети отлично выучились читать, писать, 4 действия арифметики. В месяце шабане держали экзамен и выдержали его в присутствии ученых людей отлично. Эти уважаемые люди, присутствуя на экзаменах и видя пользу таких школ, стали на сторону их.

В заключение ученые священной Бухары разделились на 2 партии: одни за новый способ, другие за старый.

Куш беги, Насыр-улла, Дамля, уважаемый муфтий склонились к звуковому методу. Верховный судья оказался того же мнения и нашел, что подобные школы очень подходящи».

«Муфти Дамля, собрав самых ученых мужей, спросил их совета. Ученые мужья посетили школу и ответили, что она противна духу шариата. В первый же год ученики начинают читать газеты, на второй год потребуют свободы и на третий год свергнут его высочество с трона, заключат его в тюрьму». Какое поразительное предсказание! Именно джадиды в 17 году в Бухаре потребовали свободы, а в 20 году подняли восстание и, находясь в рядах компартии, свергли эмира.

Несмотря на сопротивление улемы, ново-методная школа и джадидизм находили многих сторонников. Влияние младотурецкого движения здесь сказалось довольно сильно. Однако джадиды—млало-бухарцы составляли чрезвычайно небольшую группу людей, главным образом, из торгово-хлопководческих кругов. Их влияние не шло дальше приказчиков и купцов таких торговых фирм, которые на практике убедились в необходимости заимствовать науку у европейцев.

Остальная же масса населения оставалась в полной мере под влиянием духовенства, безраздельно господствовавшего в «священной» Бухаре. Сугубо характерным для Бухары является резня между шиитами и суннитами в 1910 году.

К этому году большая часть чиновничьих должностей оказалась в руках персов-шиитов. Самого Эмира обвиняли в том, что он стал шиитом. Население же Бухары исключительно суннитское. Персы-пришельцы и персы из семей бывших рабов выдвинулись до высших чиновничьих должностей через женщин-персиянок, красота которых расценивалась выше. Калым за красивых персиянок всегда был настолько велик, что его могли платить только богатые бухарцы и в частности чиновники. Постепенно очень многие чиновничьи должности оказались занятыми персами-шиитами. Даже Куш-беги (премьер) был перс. Министры военный, водяной и верховного суда были персы-шииты. Это должно было сильно не нравиться суннитскому духовенству и оно вело агитацию, договариваясь до того, что, если Эмир перешел к шиитам, то и его нужно прогнать.

В 1910 г. персам-шиитам впервые разрешено было праздновать свой религиозный праздник «Шахсей-ваксей».

Один студент-суннит (мулла-бача) посмеялся над обрядом Шахсея-ваксея. Персы убили студента. Мулла-бачи начал погром персов, которые оказались хорошо вооруженными, дали решительный отпор. На следующий день 23, (10) января персы перебили предательски около 300 мулл-суннитов. С палками и камнями сунниты двинулись бить персов-шиитов. Своей численностью и благоприятной обстановкой они могли расправиться с персами, но войска эмира, которого тоже обвиняли в шиитизме, т. к. он женат на персиянке, ничего не предпринимали. Вмешательство русских войск прекратило резню, жертв которой было около 1000 убитых. Сунниты успокоились только тогда, когда сын эмира обещал устранить Куш-беги и министров шиитов.

В этом эпизоде сказывается не только религиозная вражда суннитов и шиитов, под влиянием суннитского духовенства вспыхнувшая особенно остро в 1910 году. Обострение положения об'ясняется в значительной степени взяточничеством и покровительством богачам в распределении воды и других мероприятиях чиновничества. Персы-чиновники, связанные крепкими узами с богачами, эксплоатировали трудящиеся массы и тем навлекали на себя крайне обостренную ненависть трудящихся масс. Эта ненависть принимала религиозную форму под влиянием суннитского духовенства, стремившегося лишить власти и влияния в государстве персов шиитов.

VI.

В 1910 году (сентябрь—октябрь) Туркестан об'ехал член Гос. Думы Максутов. В газетах (№ 677 газеты «Вакт») сообщались впечатления Максутова от этой поездки. Он говорил, что в юртах туркмен можно было не редко встретить газеты «Вакт» и «Тарджиман», что интеллигенты г. Асхабада (Полторацка) говорят на языке газеты «Тарджиман», что в Бухаре положение оказалось хуже, чем его себе обычно представляют, что в Коканде около 16 новометодных школ и там имеется хороший кружок молодежи, что в Ташкенте имеется группа националистов человек 50—60, но организации нет.

Эта группа, добившись разрешения военного губернатора, 14 октября на собрании в 50 человек под председательством Ахтямова приняла требования мусульман, в связи с законопроектом о начальных училищах, поданные в одном и том же виде из разных городов России в мус. фракцию Гос. Думы в 1910 году. Повидимому группа состояла, главным образом, из татар-джадидов (фонд Охр. отд., д. 948 л. 45).

Опасение мусульманского (панисламистского) движения у русского правительства в 1908—14 г. г. были настолько велики, что администрация на местах готова была видеть

в каждом приезжем агента младотурков, пропагандиста панисламизма. Очень много совершенно невинных людей, как потом выяснялось, иногда высылали заграницу, очень многим пришлось узнать прелести русских пересыльных тюрем. Высылали даже коренных жителей по непроверенным доносам. Мутная обстановка шпионажа охранного отделения, разлагающе внедрялась в население. В отчете на имя царя Куропаткин в феврале 1917 года писал: «Неосторожное набирание охранных агентов с 1912 г., даже среди невежественных туркмен, дало этим избранным вредную и опасную власть. Начали сводиться личные счеты на почве политической неблагонадежности, взимались взятки, а недающих заключали в тюрьму по доносам об. их политической неблагонадежности».

Но и губернаторы не оставались в долгу у населения. И. Д. генерал-губернатора Галкин в августе 1914 г. выслал на 3 года в Тульскую губ. Сайрамского (Чимкентского у.) ишана Магомет-Ходжу-Ишан-Хальта-Усман-Ходжаева по ложному доносу, без всякой проверки этого доноса. Охранное отделение, проверив донос, выяснило, что это было просто проявление борьбы двух родовых групп, но ишан уже жил в то время в Тульской губ. Это не единичный случай, хотя и наиболее яркий. Таково в неполных чертах национально-освободительное движение среди оседлого населения.

В этом движении незаметно какого либо организующего центра. Течение за самостоятельное духовное управление при посредстве ли валия, как это выражалось на собраниях в 1905 г., или при посредстве с'ездов выборных казиев с Правлением Шейх-Ул-Ислама, которое несло бы функции аглямов и муфтиев, т. е. наблюдения за правильностью решений с'ездов казиев с точки зрения шариата, как об этом говорилось в наказе члену думы Абду-Кариеву, не имело никакого, об'единяющего это течение, центра. Но в резолюциях, прошениях, наказе заметно влияние татар, в частности пункт о разрешении приобретать татарам недвижимую собственность в Туркестане фигурирует очень часто в этих документах. Татарская интеллигенция в Туркестане, не имея организации, все же была сплоченной группой с постоянным общением между собой и влиянием отдельных наиболее авторитетных деятелей, напр., Габитова. Точно также заметно влияние татар и на движении джадидов, хотя здесь это влияние проявлялось в большей степени, чем в первом случае, участием в работе каждого отдельного интеллигента-татарина в ново-методных школах.

Этим влиянием об'ясняется постоянный пункт требований Ташкентских узбек в их прошениях и наказе о прекращении переселенческого движения в Туркестане и инициатива говорить от имени не только узбекского населения, но и кочевых народов. Наказ Абду-Кариеву от ст. гор. Ташкента говорит от имени узбек, киргиз и татар.

VII.

Это же влияние татарской интеллигенции (джадидов) чувствуется и в движении киргиз, хотя это движение поскольку оно пыталось выразить обще политические требования и не касалось вопроса о русских переселенцах, производит впечатление неглубокого, мало осознанного массами киргиз.

Об'ясняется это аналогичным положением трудящихся масс киргиз с положением оседлых жителей.

Прежде всего выборная, аульная и волостная администрация и суд. Генерал Гродеков в книге «Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области» стр. 199—200 так опысывает влияние русских порядков на суд биев: «При регламентации народного суда закон 1867 г. значительно уклонил его от суда обычного. Это обстоятельство столь существенно и вредно повлияло на развитие слабых сторон суда биев, что положение его оказалось весьма неудовлетворительным и повлекло за собою убеждение многих деятелей в необходимости уничтожения этого суда и замены его судом русским. Тогда как, по народному обычаю, стороны вольны обращаться для разбора дела к любому бию. закон 1867 г. обязал киргизов судиться только у биев, утвержденных военным губернатором. В случае весьма частого на практике несогласия сторон на третейский суд, закон вменял истцу в обязанность избирать бия непременно из волости ответчика. Так как при существовании родового начала всякий бий, естественно, за своего родовича, то обязательный суд бия из волости ответчика равносилен отказу в справедливости, ибо от родовича ответчика истец не может ожидать беспристрастия. Даже внутри самой волости такая организация суда биев не гарантировала справедливого суда, потому что при обязанности обращения к волостным биям и при ограниченности их числа, бии сделались доступны корысти, подкупу, влиянию богатых и почетных людей и избирательных партий... В результате суд биев сделался судом подкупным, непопулярным и подчиненным туземным должностным лицам». Целый ряд уездных начальников, приставов и др. администраторов не раз отмечал это положение народного суда Вот, например, что говорит в рапорте о политическом и экономическом положении кара-киргиз горн. участ. Аулиэ-Атинского у. пристав этого участка: «Настоящее положение, когда на волость 4 народных судьи, дает повод к постоянной партийной вражде и угнетению сильной партией меньшую». [1] Куропаткин в докладе царю о восстании 1916 г. говорит, что киргизы недовольны самоуправством своих волостных управителей, недовольны и своим народным судом биев».

---

[1]) Сыр-Дар. обл. Прав. отд. распор., ст. 1, д. 13/1905.

Борьба на выборах народных судей, как и борьба на выборах волостных управителей и аульных старшин, приобретала формы еще более откровенного подкупа избирателей и, конечно, тем больше вновь избранное должностное лицо должно было выжимать из населения.

Экономическое положение киргизских трудящихся масс было, пожалуй, еще хуже, чем у оседлых туземцев. Манап и русский кулак-переселенец выжимали из батраков и бедноты двойным прессом последние соки. Цитированный пристав горного участка говорит, что «если киргиз надует крестьянина (кто кого надувал это большой вопрос—вернее если крестьянин вздумает содрать шкуру с киргиза Е. Ф.), то последний (т. е. крестьянин Е. Ф.) идет к управителю или биям, те не желая терять с крестьянином добрых отношений (ворон ворону глаз не выклюнет Е. Ф.), стараются склонить стороны к миру, при чем, если стороны к миру не придут, то обращаются к мировому судье, при чем, свидетелями являются сами же киргизы со стороны крестьянина и помогают ему выиграть дело в суде».

Как видим, здесь единый фронт русского кулака и манапа против бедняка и батрака киргиза.

«По благосостоянию, говорит пристав, киргизы горного участка могут быть подразделены на 3 категории: 1) богатые, имеющие в среднем от 100 до 300 баранов (конечно, есть богачи, имеющие и более 500, но это единичные случаи), 20—30 лошадей, 15—20 рогатого скота. При наличном составе юртовладельцев 10.715, богатых насчитывается 680 человек (это манапы), 2) им вполне подчиняются люди среднего состояния, владеющие гораздо меньшим количеством скота, в количестве 8.314 юрт, 3) а также совершенно ничего не имеющие—1.925 юрт, при чем, последние находятся в услужении у богатых киргиз, а также у крестьян русских селений, при чем, некоторые из крестьян держат по 2—3 работника, платя работнику годовых 30—60 рублей, иногда доходит до 80 руб.». Это выходит от 2 р. 50 к. в месяц. Для русских крестьян не имело решающего значения количество собственной земли, хотя они и просили постоянно прирезки земель от киргиз. В 1905 году киргизы сдали в аренду русским крестьянам горного участка 610 десятин от 1½ до 3 руб. за казенную десятину. Кроме того, 10.551 десятина киргизских земель пахались крестьянами в товариществе с киргизами. Сами же киргизы засевали около 22.480 десятин.

«Товарищество»—это не что иное, как тот же самый бунак, который является формой эксплоатации хлопкоробов.

«Крестьянин перед пашней, говорит пристав, старается одолжить киргизу в зимнее время денег, хлеба, а часто и убойный скот (зимою у киргиз в большинстве скот выхудовывает и для убоя становится не годным), по цене сходной для крестьянина, но во всяком случае не для киргиза, а затем входит должни-

ком в товарищество по посевам на землю киргиза, уговорившись взыскивать долг на току, по обмолоте хлеба, беря за долг зерно по цене, стоящей в то время низко, а потому киргиз, уплатив своему товарищу крестьянину долг, получает, если сеет пополам, то 1/3 часть урожая, а если по 1/в, то 1/5. Крестьянин уберет хлеб в хорошо устроенный амбар, а киргиз в большинстве случаев зарывает хлеб в ямы[1]). Хлеб в ямах долго храниться не может, ибо задыхается от сырости, становясь затхлым, а потому киргиз старается скорее продать хлеб, при чем продает его в более дешевое время, во время сбора податей, т. е. с сентября по конец декабря, а в феврале и последующие месяцы до нового урожая получает вдвое и в два с половиной раза дороже». Конечно, он вновь обращается к кулаку за деньгами. Этот круг остается для киргиза безвыходным.

Точно также происходит и с сенокосами.

«Сенокосов у крестьян, говорит пристав, очень ограниченное количество» и у киргиз эти сенокосы почти не арендуют, «а покупают сено и клевер снопами, находя это для себя гораздо выгоднее. Киргизы в большинстве случаев забирают деньги вперед в зимние месяцы, берут больше хлебом (пшеницу), при чем 100 пудов сена, приблизительно, одноконный воз сена, обходится в 50 коп., а 100 снопов клевера -от 80 копеек до 1 руб. 20 коп.»

Не менее выгодны для кулака и операции с пастьбой нерабочего скота. За те же забранные зимой деньги они платят за пастьбу в киргизских ущельях от 50 коп. до 2 руб. с головы, за время с 1 мая по 1 ноября.

Потравы посевов, иски за потраву к владельцам скота, повели к сокращению скотоводства. Еще большее значение имел запрет Мин. Гос. Имуществ пасти скот на большие пространства земель, где до этого было хорошее убежище для скота. Чрезвычайно характерной является еще одна форма поборов с киргиз со стороны лесных об'ездчиков.

Лесооб'ездчики облагают кочующих скотоводов поборами, не выдавая в большинстве случаев никаких квитанций плательщикам. Этот сбор поступает в личный приход об'ездчика. Они собирают с каждой юрты, кочующей на зимовке, от 80 коп. до 1 р. 20 к., а на летовке -от 1 р. до 2 р., по 2 р. в Ташкентском уезде. Часто берут деньги в такой местности, в которой никаких лесных пород не произрастает. Если же киргиз от уплаты откажется, то на него составляется протокол в обвинении его в порубке леса (в чистой степи иногда) или в незаконном сборе (т. е. краже) валежника. Штрафы доходят иногда до баснословного количества. Так, в 1903 г. в Ташкент-

---

1) Этот способ хранения хлеба у киргиз до сих пор остался. Вот где работа кооперативным элеваторам.

ском уезде на киргиз, летующих на Ойгоне и Майдамтане в количестве 150 юрт, составлено было более 100 протоколов. Киргизы не поехали в суд за 280 верст, это бы стоило более 3.066 руб. и, конечно, суд утвердил штраф в сумме более 3.000 руб. Куропаткин в отчете царю в 1917 году также признавал этот вид поборов и говорил: «лишенная должного контроля, лесная стража, является бичем населения. Старшие чины лесного ведомства признают наличность этих злоупотреблений, но без улучшения материального положения стражи, увеличения числа ее и точного определения границ казенных дач не видят возможности прекратить притеснения и поборы, чинимые лесною стражею даже на землях, оставленных в пользование кочевого населения».

VIII.

Мы видели, что руководителями освободительного национального движения в Средней Азии при его зародыше были джадиды-татары. Русские радикальные мелко-буржуазные партии, с.-р. и меньшевики, не могли подойти к туземцам, не зная совершенно обстановки их быта, их экономического положения. Но надо сказать, что и желания у этих партий подойти к местному населению было немого. Несмотря на то, что переселенческая политика, наиболее существенный вопрос, вызывавший огромное недовольство киргизских масс, был ясен для каждого. не зараженного колонизационным зудом.

Туркестанская организация С.-Д. настолько была слаба силами, настолько была в руках меньшевиков, что вполне понятным становится полное игнорирование коренного населения в работе партии.

На словах в резолюции І-й Туркест. С.-Д. конференции в январе 1906 года об этой работе говорилось достаточно ясно. В извещении о І-й Туркестанской Конференции читаем: «Конференции пришлось относительно дольше остановиться на вопросе о постановке работы среди туземного населения. Согласно резолюции, конференция предлагает всем товарищам на местах обратить особенное внимание на туземный пролетариат. Вести среди него возможно широкую социал-демократическую агитацию, как словесную, так и путем листовок, а также и пропаганду, разумеется, где найдутся подходящие к тому условия».

Но на деле ровным счетом ничего не было сделано. Ни одной С.-Д. прокламации, ни одной попытки завязать связи с туземцами—не было. Это вполне в духе меньшевиков, которые исповедывали лозунг Мартова «развязать революцию на теоретическом принципе» организации—процесса, и с полным отрицанием большевистского лозунга «организовать революцию». Резолюции І-й Туркестанской конференции выносились под вли-

янием размаха рабочего движения, восстаний солдат, под влиянием революционных рабочих-делегатов Конференции, но резолюции оставались словами, прикрывающими только меньшевистскую пассивность и оппортунизм. Лидер Туркестанских С.-Д. Зурабов говорил, если правильно передает это тов. Дворянов (из его воспоминаний)—«не лезьте в деревню,—там место эсерам».

Роль эсеров. И эсеры шли в деревню. Но делали это так, как может делать мелко-буржуазная партия, несмотря на свои фразы о «полном и безусловном признании прав на национальное самоопределение». [1]) Эс-эры шли в русские деревни и требовали земли для русского колонизатора-крестьянина за счет киргиза. Еще на собрании интеллигенции и рабочих в Татьянин день (12 января) в 1905 году, организованном при участии С.-Д., видимо, для осуществления новоискровского плана «земской кампании», между другими ораторами рабочими и интеллигентами выступил О. А. Шкапский. Его речь достойна внимания. Он говорил «о том бюрократическом произволе, от которого не свободен Туркестанский край». «Высшее Правительство (т. е. Мин. Земл., иначе говоря помещики Е. Ф.), заявил Шкапский, уже давно признало и признает необходимым колонизовать Туркестанский край русскими крестьянами, но всегда встречало в этом препятствие со стороны местной власти, которая отстаивает больше интересы туземцев, чем русских людей и вообще недружелюбно относилась к переселенцам».

Шкапский приводит пример: Губернатор Семиреченской обл. Ионов «проезжая по области, усмотрел хороший кусок, тысяч в 20 десятин земли, пригодный для русского поселения и, недолго думая, отдает приказ уездному начальнику приказать киргизам составить приговоры о том, что земли эти они добровольно уступают для русского поселения, но когда киргизы, несмотря на административное давление, отказались от уступки этой земли, так как имели на ней до 800 десятин запашки—ценной для киргиз, то с ними не стали церемониться, а Губ-р приказал снять план и испросить высочайшего разрешения об из'ятии ее из пользования киргиз для русского поселения. Но не думайте, что для русских крестьян,—нет, для Семиреченских казаков, которые живут господами. Земля была записана в войсковые угодия, а казаки отдают ее в аренду тем же киргизам, у которых она была отобрана и получают по $1^1/_2$ тысячи рублей арендной платы в год. [2])

---

[1]) „Рев. Россия“ № 18, „Национальное порабощение и революционный социализм“. См. Ленин, соб. соч. т. 4 стр. 241.

[2]) Сообщение нач. города Ташкента г. губерн. Тевяшеву от 13 января 1905 г. фонд К. Г. Г. дело № 4, л. 2—5.

Весь вопрос для Шкапского, видите ли в том, что не крестьянам, а казакам отдали киргизскую землю.

Шкапский не был членом партии с. р., но был определенным народником. Его переселенческая партия в Семиречьи, работавшая в 1905 г., состояла из таких эс-эров, как Рума, [1]) Якушев [2]) и друг. Сам Шкапский в эс-эровских кругах считался своим.

Вот почему представляет интерес его столкновение с ген. губ. по вопросу о переселенческом землеустройстве.

В этом деле Шкапский и его сотрудники эс-эры об'ективно заняли позиции защитников интересов не крестьянина, а русского помещика, который хотел разрядить надвигающуюся аграрную революцию, удовлетворив жажду земли у крестьян киргизскими землями в Туркестане, а Туркестанский ген. губ. попал в защитники интересов киргиз, оберегая спокойствие Туркестана в интересах текстильной промышленности.

Такого рода решение аграрного вопроса, которое хотел осуществить Шкапский, получило вполне ясную оценку со стороны большевиков, в частности тов. Ленина.

В 1907 году тов. Ленин писал: «Разумеется было бы в корне ошибочным считать эти земли (необ'ятное количество земель в России, окраинные земли, хозяйственное значение которых так мало исследовано) в настоящее время и в настоящем их виде пригодными для удовлетворения земельной нужды русского крестьянина. Все расчеты подобного рода, нередко делаемые реакционными писателями, не имеют никакой научной ценности». «Во 2-й Думе октябрист Тетеревников приводил цифры из обследований Щербины о 65 миллионах десятин земли в Степном крае и данные о количестве земли в Алтае—39 мил. десятин—в доказательство ненадобности принудительного отчуждения в Европейской России. Образчик буржуа, приспособляющегося к крепостнику—помещику для совместного «прогресса» в Столыпинском духе (стенограф. отчеты 2-й Думы, заседание 39, 16 мая 1907 г. стр. 358—661). [3])

В другом месте тов. Ленин говорил: «Сейчас нельзя сплавить миллионы семей куда-нибудь в Сибирь или Туркестан» [4]).

Словом, использование окраинных земель, лессовых степей, свободных от местного населения для колонизации, тов. Ленин считал невозможным при данном состоянии производительных сил, без «освобождения русского земледельческого на-

---

[1]) По отзыву Оренбургского жандармского управления не благонадежен (до приезда в Туркестан). Впоследствии Рума организатор и руководитель эс-эровской группы в г. Алма-Ата (Верный) Ф. К. Г. Г. д. № 21. л. 12.

[2]) Впоследствии эс-эр-максималист. Носил клички—Марк, Лука, сидел в Ташкентской тюрьме под фамилией Курского.

[3]) Ленин, том IX, стр. 467.

[4]) Там-же, стр. 169.

селения от пережитков крепостного права, от гнета дворянских латифундий, от черносотенной диктатуры в государстве,[1] т. к. только освобождение русских крестьян даст свободу для развития производительных сил. Этого не понимали, над этим не задумывались эс-эры в 1905 г. и, ничтоже сумняшеся, переносили борьбу за землю крестьянина против помещика в Туркестан в плоскость борьбы крестьян-переселенцев за киргизскую землю. Это была определенно контр-революционная работа эс-эров в Туркестане.

Впоследствии эс-эры изменили свою тактику, но это уже не играло большой роли.

В городе Аулиэ-Ата уже 24 июля 1905 года фельдшер Якушев и учитель Глебов пытались организовать сходку крестьян. Полиция помешала. 27 июля Якушев и Глебов все же организовали сходку около 50-ти человек на городском базаре, раз'ясняя рескрепт 18 февраля.[2]

С прибытием переселенческой партии, под руководством О. А. Шкапского, работа эс-эров приняла более широкий размах.

Чувствуя за собой поддержку Мин. Земл., Шкапский очень решительно требует отпустить для его партии 50 берданок и 15000 боевых патронов, т. к. «партии приходится работать в течение 5- -6 месяцев в степях и горных местностях, среди киргизского населения, не могущего относиться к работам вполне спокойно, ибо работы партии должны повести к из'ятию из пользования киргиз более или менее значительных участков для русского населения».[3]

Генер.-губ. наотрез отказал выдать оружие и вместе с тем сейчас же принял меры к тому, чтобы обуздать Шкапского. Он пишет военному губ. Ионову. Шкапский «не имеет права в оффициальном представлении предрешать вопрос о том, что работы партии должны повести к из'ятию обследованных земель из пользования туземного населения, каковой вопрос высочайше предоставлен компетенции высшей в крае власти».[4]

Вместе с тем, ген. губ. сейчас же пользуется политической неблагонадежностью чиновника переселенческой партии Рума и предлагает Ионову выяснить политическую благонадежность всех членов партии и выслать копию отзыва Оренб. жанд. управлен. об одном из чинов партии» (т. е. Рума[5]).

1) Ленин, том IX, стр 471. Эта статья тов. Ленина имеет несомненное значение для разрешения вопроса о том, как пойдет аграрная революция в Туркестане. Сравни Г. Сафарова. обвинявшего в своей книге „Проблемы Востока", тов. Севастьянова - „В струвизме за его приверженность к „упланду" (высший сорт хлопка).

2) Ф К. Г. Г., дело № 1—1905 г. отношение прокурора Судебной Палаты л. 124—128.

3) Там же дело № 21, л. 2 (отношение Шкапского от 8 августа 1905 г. за № 174.

4) Там же л. 5, отношение от 14 сентября 1905 г. № 8947.

5) Ф. К. Г. дело № 2·, лист 6, шифрованная телеграмма от 15 сентября 1905 года № 562.

В ярость пришел ген. губ. Тевяшев, когда получил рапорт Шкапского. Резолюции этого царька в Туркестане отражают его настроение во время чтения рапорта. Пока Шкапский излагает ход работы переселенческой партии, Тевяшев довольно благодушно ставит пометки: «Зачем?», «Напрасно».

Дальше его резолюции и рапорт Шкапского настолько хорошо оттеняют борьбу Туркестанской администрации с министерством земледелия, и вместе с тем развитие переселенческой политики, что мы позволим привести эту часть рапорта и резолюции, не стесняясь размером.

Резолюции Тевяшева: „Не допущу". «Необходимость ускорения работ партии обусловливается, во-1-х, тем, что постигший часть Европейской России неурожай должен вызвать усиленное переселенческое движение, а, во-2-х, и потому еще, что и на месте, в Пишпекском уезде, сильно обострился аграрный вопрос. Масса крестьян переселенцев (более 1000 семейств) ждет с нетерпением образования переселенческих участков. Ожидание это в настоящее время крайне стеснено отказами со стороны киргизских воротил, манапов, сдавать землю в аренду на краткие сроки. Отказы эти вызваны всецело административными распоряжениями.

Предшественник в. п-ва ген. лейт. Иванов, желая остановить переселенческое движение, 7 апреля 1901 г. за № 3184 приказал, чтобы уездные и участковые начальники приняли самые решительные меры к самовольно водворяющимся на киргизских землях переселенцам, чтобы в Семиреченской области не возникало самовольнических поселений. Исполняя это требование военного губ. области 2 мая 1901 г. за № 186 отдал приказ, согласно которому предлагалось не допускать водворения переселенцев на арендованных землях до тех пор, пока они не причислятся к какому-либо обществу. Когда же в 1902 г. 45 крестьян взяли в аренду у киргиз Аламединской волости 16 дес., то приговор волостного с'езда по журналу Семиреч. Обл. Прав. от 4 февраля 1903 г. за № 16 не был утвержден, между прочим, потому, что по приказу за № 186 киргизам разрешено сдавать землю только тем русским, которые уже причислены к существующим селениям области. Однако эти меры нисколько не повлияли на сокращение переселенческого движения, и для выдворения крестьян с арендованных ими земель, помощник Пишпек. уезд. нач. выдергивал произведенные ими насаждения (см. рапорт Пишпекского уездного начальника от 1903 года за № 3080), а затем многие киргизы подвергнуты были штрафу или аресту за сдачу земель в аренду. Так, по постановлению уездного нач. от 9-го июля, 7,8, 15 августа 1903 г. за №№ 258,313,318 и 329—15 киргиз были оштрафованы на 15 руб. каждый, 2 аре-

стованы на 5 суток и 16 человек туземной администрации и народные судьи арестованы были на 7 суток[1]).

„Господина Шкапского и К-о".

Гонение на крестьян поселило в их умах представление о том, что русская администрация не желает помочь им устроиться, а отсюда и недоверие к ней. Наказания же, налагавшиеся на киргиз, побудили их составлять волостные приговора о прекращении сдавать землю в аренду. Однако эти приговора явились обязательными лишь для большинства киргиз: воротилы же, манапы, продолжали сдавать землю в аренду, но повысили арендные цены и, кроме арендной платы, требовали с крестьян различную работу. Ныне, с началом работ партии, манапы, боясь, что аренды будут служить доказательством излишка земли и что с отводом земель переселенцам, они лишаются незаконных источников дохода, решили вовсе прекратить сдачу земель в аренду. Это решение ставит крестьян в крайне затруднительное положение и может повести к самым нежелательным осложнениям.

„Не согласен. Сообщить министру, без моего разрешения не имел права входить".

Для устранения такого положения я, 9-го сего августа за № 176, вошел в департамент госуд. зем. имуществ, с представлением разрешить мне для 2-х самовольнических селений сохранить за ними на 3-х летний срок арендованные ими земли в количестве до 2500 дес., при чем пользование это должно быть на арендном праве, плата должна быть определена по средней за последние 3 года и не должна выдаваться на руки манапам, а итти на образование киргизских общественных капиталов. Такая решительная мера побудит киргиз сдавать землю остальным крестьянам, чем и устранится современная острота аграрного вопроса.

„Социалдемократ".

Считаю необходимым доложить в. в., что 29 ноября 1904 г. за № 21, я, в письме на имя управляющего канцел. в. в., указал на необходимость впредь до образования переселенческих участков устранить существующие стеснения в годичной аренде земли, но рядом с насильственным, до некоторой степени, устройством краткосрочных аренд, является необходимым совершенно прекратить аренды, на основании ст. 126 Степ. Пол., т. к. такие аренды, заключаемые киргизами, по большей части, с частными лицами и с зажиточными крестьянами на долгий

[1]) Читатель видит, какими решительными мерами администрация защищала интересы киргиз даже против самих киргиз. Дело ясное: за интересами киргиз скрывалось спокойствие края, необходимое русской текстильной промышленности.

срок будут препятствовать образованию переселенческих участков. Когда на очереди стоит вопрос об устройстве массы крестьян, является безусловно необходимым пожертвовать интересами отдельных лиц и лишить их возможности богатеть в то время, когда земля нужна для массы крестьян. О прекращении таких аренд мною возбуждено ходатайство перед Семиреч. Обл. Правлением.

Одновременное существование аренд для богатых и прекращение их для бедных представляется таким положением, которое не отвечает целям колонизации русским элементом Средней Азии.

„Никогда, его прежде всего надо выгнать".

Докладывая о вышеизложенном в. в., я питаю твердую уверенность, что в. в. в интересах успокоения массы крестьян, проживающих в Пишпекском уезде, с своей стороны не встретите препятствий к принятию мною решительных мер для временного устройства крестьян на арендованных ими землях и будете настойчиво требовать увеличения партии в целях ускорения ее работ.

Подписал заведывающий партией Ор. Шкапский. (Фонд К. Г. Г., д. № 21).

Интересно, что после ареста чиновников переселенческой партии Л. Н. Рума, его жены Е. И. Рума, И. А. Якушева, А. К. фон-Шееле, А. А. Димо, Г. С. Буханцева, Ф. Ф. Парахина и Г. С. Михайлова, с прокламациями у некоторых из них, Кутлер в декабре 1905 г. защищал перед Субботичем Шкапского и, в ответ на сообщение о найденных прокламациях,настаивал на передаче дела суду[1]).

В 1908 году администрация еще сознавала, что переселенческая политика может послужить основанием для роста революционного движения. Вот характерная резолюция командующего войсками на протоколе, где говорилось о зарождении младосартской партии. Социал-демократы обязательно будут (появятся Е. Ф.), если будем вести землеустройство наших крестьян за счет туземцев и последние не будут оберегаемы от опутывания капиталистами—ростовщиками (там же).

Но уже следующему ген. губ. А. В. Самсонову «угодно было при самом вступлении в должность поставить одною из главных своих задач обеспечение русской колонизации».... края. [2]).

Таким образом, то противодействие переселенческой политике, которое оказывала местная администрация с 1901 г. под непосредственным впечатлением восстания 1898 г. в Андижане, при Самсонове было сломлено, и переселенческие отря-

---

[1]) От 22.XII № 905 и от 31/XII № 5654, ф. К.Г.Г. д. 21, л. 93-95

[2]) Письмо Самсонову главноуправляющ. землеустр. и землед. по перес. управл. Ревотд. Фонд. Охр. Отд. д. 1025, л. 5).

ды, начавшие работать с 1905 г. развили свою работу при этом ген. губ., игнорируя всякие законы.

Так, ст. 125 Степн. Положения 25 марта 1891 г. говорит о том, что «каждый кочевник имеет право на участке, отведенном в его пользование для зимового столбища, обрабатывать землю, разводить сады, огороды и рощи и возводить жилья и хозяйственные постройки. Земли, обрабатываемые, а равно и занятые постройками и насаждениями, переходят по наследству, доколе земля возделывается или существуют строения и насаждения».

С этой статьей переселенческие отряды перестали считаться и никакие жалобы киргиз не помогали. Киргизы устраивали нелегальные с'езды, избирали ходатаев, собирали деньги, но все это кончалось тем, что все участники этих кампаний оказывались на подозрении у охранного отделения в панисламистских заговорах.

Вот один пример грабежа: 12 декабря 1910 г. Верненская Временная Комиссия по образованию переселенческих участков утвердила проект отвода под участок будущих школ местного сельско-хозяйственного общества 620,75 удобной и 12,25 неудобной, всего 633 дес. земли из надела киргизского оседлого населения Байсарке Восточно-Талагск. вол. Этот поселок был основан в 1884 г. и зарегистрирован соответствующим образом. Поселок в 1888 г. получил от Областного правления план надела. Несмотря на это, у киргиз с. Байсарке отняли 133 дес. огородов, табачных плантаций, плодовых садов, арыков, пашен, клеверные поля и представили к сносу жилые постройки 48 киргизских семей. Этот случай нисколько не является исключительным. Здесь исключением является лишь то, что отвод земли сделан в пользу не переселенцев, а школы.

В рапорте о восстании 16 года Куропаткин пишет: «Слишком широкое толкование о размере этих излишков (киргизских земель), особенно с 1904 г. повело к тому, что у киргизского населения были отобраны огромные площади земли, частью ему жизненно необходимые, для образования русских селений, казенных скотоводческих участков и казенных лесных дач—единственного владения казны. Это явление было отмечено уже при ревизии сенатора графа Палена, но на него не было обращено должного внимания».

На путь петиций вставали киргизы, когда становилось особенно тяжело.

Некоторые из наиболее передовых киргиз сознавали бесполезность жалоб. Один интеллигент уральский киргиз писал в личном письме, найденном при обыске у Сыртанова (отст. надв. советник, киргиз): «жаловаться некому, ибо эти жалобы не удовлетворяются.. По крайней мере, нет примера уважения киргизских жалоб. Сверх того, киргизские «бас-[illegible]» заняты всегда избирательной борьбой из-за должности упра-

вителя, аульного старшины и народного судьи, покупаемых на торжественных торгах в присутствии властей российских, правительством установленных. Эта избирательная борьба поглощает все помыслы, душу и жизнь киргизского населения, руководимого невежественными «бас-адамами», так что вопросы о существе нации, религии, земельные и прочие и прочие не занимают их умов. Заявляю тебе, что никаких общенародных нужд киргизские «бас-адамы» в лице аксакалов не ощущают и все заняты вопросами о должностях, созданных сначала временным положением 21 октября 1868 г. и, затем, действующим степным положением 25 марта 1891 года. Так как утверждение выборов законом предоставлено крестьянским Начальникам и губернатору, то развились в грандиозном размере среди киргиз сутяжничество, кляузничество, шпионство и доносительство. Корысть стала доминирующим стимулом деятельности всех «бас-адамов». Психология киргиз развратилась настолько, что без подкупов и без взяток ничто у них не делается и не творится. Никакой общественной деятельности и никаких общественных надобностей для них не существует. Между тем, земли все уходят и уходят под переселение и «бас-адамы» лицемерно восхваляют тех, кто грабит их земли и даже осуждают тех, кто стремится защитить их земли, ибо те, которые идут против начальства, по их мнению, суть дураки.

Правда, все это происходит от невежества и бессознательности населения и от тех законов, которые служат источниками для создания подобного мрачного положения вещей. Но надо сознаться в том, что мы не имеем никакой общей для всех киргиз организации, руководящей ими и направленной против зол. Киргизы разрознены до неузнаваемости, а интеллигенция их, при всей любви к своему народу, не хочет работать солидарно или слишком завистливо относится к деятельности друг друга и, следовательно, также разрознена. Наконец, у киргиз нет такого интеллигентного человека, который бы сумел заслужить любовь и расположение их, либо все интеллигенты на должностях, и не могут влиять на народ за своей разбросанностью. Один ты, по моему, заслужил расположение народа. Один ты имеешь право сказать, что работал за народ Кто же больше. Все остальные—сытые подлецы на казенных жалованьях—лишь умеют зло завидовать и змеиным образом шипеть вокруг тех, кто работает, тогда как они сами пальцами не шевелят за народ. При таком положении я не раз опускал руки, не будучи в состоянии оказать какую-либо практическую пользу своему народу. Но сидеть, сложа руки, живым свидетелем того грабежа, который производится над землей, также не хватает сил. Уральско-Тургайская партия зачислила все удобные (земли) степи в колонизационный фонд на предмет переселения, как это видно из отчетов за 1906, 1907, 1908 и 1909 г.г.».

Таким образом, среди киргиз не было абсолютно никаких слоев, которые могли бы встать во главе трудящихся, масс, а недовольство их росло с каждым годом. Больше того, манапы, волостные управители не прочь были использовать в 1905 г. массу киргиз для усмирения забастовавших железнодорожников. Так, 26 ноября из Чиили была получена телеграмма, за подписью всех служащих и начальников на имя ж. д. начальства и союза инженеров, следующего содержания: «по рассказам вполне заслуживающих доверия киргиз, их выгоняют из аулов волостные управители и заставляют их собираться для насилия над железнодорожными служащими, на что киргизы идут крайне неохотно[1]). От 25 ноября о готовности киргиз напасть на железнодорожников сообщает телеграмма Вайнарского и другая от служащих из Джусалы, 26 ноября из Арыси Начальник управления ж. д. Вяземский распорядился 25 ноября принять меры к охране жизни и казенного имущества от нападения киргиз. [2])

Сахаров сообщает военному министру, как мотив для введения усиленной охраны в Перовском и Казалинском у. у. следующее: «...киргизы проявляют заметное недовольство остановкой товарного движения в такое время года, когда сбыт продуктов скотоводства дает ему главные средства для уплаты податей и для закупок предметов первой необходимости на зиму. Недовольство это, по полученным указаниям, выражается по отношению не к одним только жел. дор. агентам, но и вообще ко всем русским, при чем в степи начинают проявляться признаки брожения и подстрекательства киргиз к неприязненным действиям против всего русского населения».

Сами же манапы не были в состоянии ни к какому более или менее серьезному протесту против правительства, поэтому политическое движение среди них и могло вылиться только в форму петиций. Хотя эти петиции и доставляли очень много беспокойства всей администрации.

В Перовске С Дар. губернатора обеспокоила и заставила возбудить особую переписку петиция, поданная туземцами с разрешения уездного начальника генерал-губернатору при его проезде через Перовск «по из'явлении согласия», полученного уездн. начальником от самого же генерал-губернатора.

В петиции этой уездный начальник, не усматривал никаких противоправительственных желаний. Туземцы просили у начальника «разрешить аульным обществам составить приговоры о сборе известной суммы денег с населения на расходы по командированию в г. Ташкент уполномоченных для ходатайства перед г. г-ром о возможно скорейшем осуществлении тех их просьб, выраженных в петиции, которые могут быть разрешены до собрания Гос. Думы».

---

[1]) Фонд К. Г. Г., д. № 18, стр. 125, стр. 127—8, ст. 121—130.
[2]) Там же стр. 133 - 134.

Уездный начальник считает, что мысль о подаче петиции и о сборе денег.... внушена частн. повер. Сер. Али Лапиным по происхождению киргизом Перов. у. Кентубск. вол. [1])

Дело пустяковое и с точки зрения уездного начальника, но петиция очень обеспокоила начальство, особенно в связи со сведениями из других мест, в частности из Казалинска.

В рапорте (копия) нач. Казал. у. Арзамасов от 14 января 1906 г. № 165 воен. г-ру С. Дар. области сообщает: киргизами в Казалинском уезде. . . «были получены письма от киргиз Тургайской области, адресованные на имя родовичей киргиз Казалинского у., при чем, этими письмами они приглашаются принять участие в с'езде мусульман, будто бы дозволенном правительством 12 декабря в Москве, но перенесенном на 15 января в Петербург по случаю московских беспорядков.

«На письма эти откликнулись и киргизы родовичи Казалинского у. с ишанами и хаджами. В заключение письмами предлагалось и киргизам Казалинского у. послать своих представителей на мусульманский с'езд, на что Казалинские киргизы охотно согласились и послали от себя пять человек, в числе которых поехал один ишан и один хаджа с одним лицом, хорошо говорящим по-русски. Цель поездки родовичей— киргиз, повидимому, заключается в представлении своих нужд высшему правительству и касается исключительно их экономического быта и неудовлетворительности народного суда в особенности ишан и хаджи предполагают непременно участвовать в мусульманском с езде для проведения как в народную жизнь киргиз, так и суд постановлений шариата».

В рапорте пристава Чимбайского уч. Аму-Дар. обл. н-ку А.-Д. отд. также сообщалось, что в участке появился какой-то ишан из Темирского или Казалинского у., который организовал сбор денег между киргизским населением для отправки депутации в г. Петербург с просьбой о замене адата-шариатом».

В другом месте тот же пристав сообщает про этот же случай, что собрание киргиз в Казалинске наметило в главных чертах нужды населения для представления высшему начальству. Нужды, о которых ходатайствуют киргизы, следующие:

1) свобода религии, свободное отправление религиозных догм, ритуалов и всего того, что является, как прямое следствие религиозного верования; 2) наделение киргизского населения земельной собственностью; 3) право пользования без выбора промысловых свидетельств богатствами рек и озер (мелких и заловных, т. е. временных; 4) уничтожение стеснительных правил относительно пастьбы скота в саксаульных зарослях; 5) назначение казиев для разбора семейных, брачных, на-

---

[1]) В 17 году член Кокандского автономного Правительства

Рапорт Перов. у. н. от 13/II 06 г. С. Д. Обл. Пров. отд. расп. ст. 1. д. 13 (1909).

следственных и духовных дел по шариату. Депутация киргиз, говорит пристав, отправилась в Петербург для представления министру гр. Витте о своих нуждах, но эта попытка не увенчалась успехем. Депутаты, пробыв в Петербурге несколько дней, вернулись, не доложив представителю высшего правительства о своих нуждах. Судя по их рассказам, они даже не попытались добиться аудиенции у гр. Витте, т. е. в Петербурге их убедили, что об этих своих нуждах они должны просить через свое начальство, чем были вполне удовлетворены....

Это картинка из «Размышлений у парадного подъезда».

Пристав считает, что революционного движения среди киргиз не может быть, т. к. «население только под русским подданством вздохнуло свободно и начало сознавать свои права и святость частной собственности».[1])

Все дело посылки делегации находилось «в руках ишанов, хаджей и родовичей Казалинского уезда», говорит уезд. начальник в рапорте от 19/II—1906 г. (№ 44).

В числе делегатов [2]) поехал и очень влиятельный ишан Уран-Казанбеков. Устанавливая влияние в этой затее, уездн. нач. называет татар (в частности № 2 газ. «Фикир», где помещена статья Султан Бахиджана Безгалиева Каратаева) и ветеренарного врача киргиза Сысдыкова. Возвратившись домой, делегаты уверили уездн. начальника, что они в Питере не принимали никакого участия в каких-либо совещаниях, собравшихся там на с'езд мусульман. В действительности они, конечно, приняли участие во II Всероссийском Мусульманском Съезде, который состоялся в Петербурге (Ленинграде) с 13 по 23 (ст. ст.) января 1906 г. Этот с'езд, как известно, принял «Устав Всероссийского Мусульманского Союза». Туркестанские делегаты принимали также участие и в I-м съезде 28—15 августа 1905 г. в Н.-Новгороде на реке Оке на пароходе «Густав Струве»[3]).

Это пугало администрацию в связи с подачей петиции в других местах.

В Аулиэ-Атинском уезде сход пятидесятников 24 января 1906 г. принял петицию на имя Витте. Уполномоченный собрания Таджи-Нараз-Ялык-Назаров отправил петицию почтой. Пятидесятники просили Витте удовлетворить следующие нужды:

1) Даровать нам, мусульманам, выборное духовное правление с выборным же муфтием во главе, которому передать все духовные дела, как-то: устройство мечетей, медресе, заве-

---

1) Сыр. Дар. обл. Прав. отд. Распр. ст. I, д. 13—1905 г: л. 42.

2) На с'езд ездили следующие лица: родовичи—Курганчинский вол. арык аксакал Альмамбет Унгенбаев, Каракульской вол.—Сердани Кунбараков, Сары-Чугайской вол.—Перджан Тюремуратов, Каракульской вол.—Нысан Тулепов. Ишан Чибидинский вол.—Уран Казамбетов и Хаджа Сыр-Мухамед Дармелкулов.

3) См. „Устав Всеросс. Мусульм Союза" 1906 г. Типография Антокольского СПБ.

дывание и контроль над вакуфами, назначение имамов и туземных учителей и всех друг. дел., касающихся мусульманской религии и образования;

2) приостановить приток переселенцев и предоставить *землю в полную собственность* населения, чтобы оно могло по своему усмотрению пользоваться ею; 3) снять с нас усиленную охрану и уравнять нас в правах с коренным русским населением империи, отменив все ограничительные меры для мусульман; 4) при созвании представителей в Гос. Думу число мусульманских представителей согласовать с численностью мусульманского населения, дабы интересы наши было бы кому возбуждать и отстаивать; 5) разрешить мусульманам Российской империи приобретать недвижимую собственность в крае.

В следующие годы в связи с нажимом переселенческих органов на киргизские земли, брожение среди киргиз пускало корни в массу. Полиции и Охранному отделению лишь незначительно удалось уловить проявление недовольства среди киргизских масс.

Лепсинский уездн. нач. сообщает Охр. отд. от 24 мая 1911 г., что татарин Х. В. Рафиков от об-ва Лепсинских татар по доверенности, составленной на незаконном сходе (меньше половины по списку), подал прошение в М. В. Д. об отмене распоряжения Воен. губ. вывешивать портреты царя в туземных школах [1]). Киргизы возбудили вопрос не позволять вывешивать портрет царя в канцеляриях и прекратить устройство новых русских поселков [2]). 21 октября 1910 г. в местечке Узун-Агач состоялся обще-областной с'езд киргиз, где постановили просить о землеустройстве киргиз и прекращении отвода земель переселенцам, собрать средства на расходы по прошению, депутации добиться аудиенции у царя через Эмира Бухарского, поручить это дело Сыртанову.

Таковы отклики среди киргиз революции 1905 года и революционного движения в Турции, Индии и вообще на Востоке. Конечно, эти отклики имели больший размах, чем в зарисовке этой работы, т. к. здесь получил отражение лишь тот материал, который попал в руки полиции и охранки.

IX.

Не лишено интереса—эхо революции 1905 года среди туркмен..

Вновь назначенный в декабре 1905 г. ген. губ. Субботич получил от одного офицера-туркмена хана Иомудского сведения, что среди иомудов ведется усиленная политическая агитация левыми партиями. Поэтому для изучения настроения туркмен и для контр-революционной пропаганды Закаспийский губернатор Коссаговский послал во все районы Туркмении офи-

---

1) Ревотд. Фонд Охр. отд. д. 1026, л. 18.
2) Там же, л. 19.

церов, владеющих хорошо туркменским языком: полк. Волковникова, Стржалковского и Агабекова.

Волковников об'ехал Челекен, Джебельский район и окрестности Больших Балаханских гор. На острове Челекене, где $^2/_3$ рабочих - персы и туркмены, все было спокойно, хотя рабочие хорошо знали о том, что делается в России. Туземное население поговаривало лишь, что в 1906 г. уменьшат подати до 3 руб. с кибитки. В окрестностях Больших Балаханских гор иомуды об'ясняли забастовку на железной дороге тем, что рабочие требуют лишь увеличения жалованья.

Но среди иомудов передавали из уст в уста о том, что от какого-то большого племени «мужик», живущего в России, явились депутаты к брату «белого царя» и заявили, что они недовольны правительством и потребовали другого правительства, с участием представителей от племени «мужик»; брат «белого царя» прогнал депутатов и послал войска против них; что теперь в России идет война между царскими войсками и «мужиком». Иомуды из Гюргена и Больш. Балаханских гор говорили, что теперь все персидские и русские иомуды будут присоединены к японскому царю и будут платить подати не «белому царю», а японскому.

Туркмены живут племенами и русскую революцию они не могли представить себе иначе, как только борьбой между племенами. Для них было легче быть подданными далекого японского царя, который неизвестно где и живет, чем подданными «белого царя» или персидского шаха, тяжелую власть которых они знали очень хорошо. Они видели военную слабость своих племен сравнительно с русскими войсками и надеялись на силу японского оружия. Так переломили они в своем представлении русскую революцию и ее результаты для иомудов. Активных действий иомуды не могли тогда начать—они знали силу русских войск и полиции.

Стржаловский, который об'ехал Чикишлярское приставство, среди иомудов не заметил брожения.

Агабеков, об'ехавши каракалинское приставство, докладывал, что среди гоклан и иомудов вообще спокойно, но Агабеков натолкнулся на агитацию среди гокланского и нухурского населения по Сумбару вверх от Каракола против возврата ссуды, выданной казной пшеницей и деньгами в голодные годы. Некто Хансахат-Комек-Оглы, житель аула Койне-Кессир, убеждал старшин 1-го и 2-го верхне-сумбарских обществ прекратить взыскивать эти ссуды.

Тяжесть налогов, разорение туркменских масс в то время уже были настолько велики, что события в России выливались в мечты трудящихся об ослаблении налогов, освобождении от власти «белого царя». Трудящиеся массы туркмен, разрозненные и разбросанные по бесконечным степям Туркмении, не могли, конечно, сами выступить активно. Баи же, старшины

обществ были преданы русскому «белому царю». Недаром русское правительство стремилось наиболее влиятельных родовичей или представителей племен привлечь на службу. Недаром баи-хлопководы получали по 4 рубля льготных с каждого пуда хлопка. Правительство в 1903 году ввело пошлину на ввозный хлопок в 4 р. с пуда. Соответственно этому цена на хлопок в России поднималась. И эти льготные 4 рубля попадали не в руки текстильных фабрикантов, а в руки туркменского бая, эксплоатирующего труд. дехкана-туркмена.

Но уже в незначительных фактах недовольства туркменских трудящихся масс и попытках осмыслить события в России мы должны видеть пробуждение туркмен. Родовой и племенной быт чрезвычайно консервативны. В дальнейшем, среди туркмен долго незаметно было никаких волнений. Подданные хивинского хана иомуды в 1912 и 1915 г. подняли восстание и в 1915 напали на г. Хиву, но это движение примыкает по своим причинам гораздо больше к восстанию 1916 г.

В 1908 г. Охранное отделение заподозрило в панисламизме полковника русской службы хана Иомудского и выслало его из пределов Края на 1 год, несмотря на то, что в свое время хан Иомудский оказывал большие услуги по управлению краем.

X.

Русские социал-шовинистические партии в годы мировой войны в Средней Азии совершенно себя не проявляли. Все деятели этих партий держали себя настолько патриотически, что в 1915 году, когда охранное отделение случайно выкопало из под земли архив Областного Туркестанского Комитета Партии эс-эров с новыми материалами против тех, которые находились на свободе, Департамент Полиции, Прокуратура нашли более благоразумным не давать этому делу хода.

Иное положение наблюдалось среди туземных масс. Война для мусульман казалась освободительной войной Турции, главы мусульманского мира, против порабощения восточных народов европейцами. Надежды на религиозно-национальное освобождение ожили. Однако в первый год войны не было экономических стимулов (побудительных причин), решительно выступить против правительства и масса оставалась пассивной. Правда, по прежнему росло влияние джадидов.

14 (1) июня 1916 года в г. Андижане начала выходить газетка «Туркестанский голос». Эта газета, повидимому, имела очень близкое отношение к джадидам, которые по агентурным сведениям Охранного отделения (среди узбек агентура была поставлена очень хорошо, если судить по результатам формальных проверок) в это время сосредоточились в кружке «Тараккш Павар» (канц. Ген. Губ. д 46/1916, л. 20). Охранное отделение характеризует состав этого кружка: купцы, приказчики, пере-

водчики и отношение «народа», который называет джадидов— «Падаркуш» (отцеубийца) по пьесе, поставленной джадидами в Андижане. В Коканде 29 (16) октября вышла газетка «Туркестанский Край» после трехмесячного перерыва. Это также орган оппозиционного направления, вернее биржевого комитета и выходила в противовес газете «Общество 14 года». С 1914 г. в Коканде возникло легальное паевое Общество «Гайрат», получившее право книжной торговли в 1915 году. Оно ставило себе задачей снабжение учебниками и учебными пособиями ново-методных школ, распространение среди туземного населения книг, газет, журналов (Вакт, Москов. «Союз», бакинская «Ачичь сюн». Это общество имело связь с Андижанским «Туркестанским Голосом». Дальше культурно-просветительной работы и небольшой оппозиции в газете джадиды не шли.

Постепенно дело меняется. Уже выступление иомудского вождя Джунаида-Хана против министров Хана-Хивинского с 1912 г. и против Ваквафы Баканова, премьер Министра Хивинского Хана, в 1915 году вскрывает наличие резкого недовольства масс. Расследование причин этого восстания, произведенное по поручению Куропаткина в 1916 г. нач. охр. отд. Волковым вскрывает катастрофическое загнивание всей русской администрации. Гнойники ханства Хивинского шли по иерархии военного ведомства через представителя русского правительства при дворе хана полк. Колосовского, одно время исполняющего должность Турк. ген. губ. Галкина к военному министру Сухомлинову.

Коротенькое письмо Директора Ново-Ургенчского отделения Русско-Азиатского Банка от 7 декабря 1916 г. Нач-ку охр. отделения вскрывает эту связь достаточно убедительно. Он пишет: «3 декабря 1911 года бывший министр Хивинского хана Сеид Ислам Ходжи перевел в Петроград генералу Цейлю р. 2000.

«За сим по книгам отделения значится:

18 августа 1914 года от Хана Хивинского переведено в Петроград г-же Сухомлиновой Р. 40.000 и 15 ноября 1914 г. от полковника Колосовского генералу Галкину Р. 3.000».

Нужно принять во внимание, что Хивинский премьер Министр Ваквафа Баканов, человек цинично откровенный, рассказывал русским о подкупности представителей русской власти вообще, называя имена бывшего военного министра генерала Сухомлинова, генерала Цейля и других, получавших денежные подарки, причем Ваквафа рассказывал ургенчанам, что его сведения не голословны и что в руках его имеются документы, «с которыми он мог бы погубить не одного только хана».

Взятки от хана Хивинского начали поступать начальнику Азиатской части Главного Штаба ген. Цейлю, которому по слухам было передано 200.000. Эта взятка будто бы была дана с целью загладить в Петербурге впечатление от убийства в Хи-

ве 1-го министра Исмаил Ходжи. Из этих денег генер. Цейль, якобы вручил 20.000 руб. Министру Сухомлинову, как подарок от хана на покупку броши жене Сухомлинова. Во всяком случае 2.000 руб. генерал Цейль получил в Петрограде под собственноручную расписку .5 декабря 1911 года еще от Сеид-Ахмеда Ходжи. И кроме того, по заявлению Хана он подарил г. Цейлю саблю и нож в золотой оправе и от сына хана золотой портсигар.

Также под собственноручную расписку получила 40.000 р. г. Екатерина Сухомлинова в августе 1914 г.

Генерал Галкин, кроме 3.200 р., получил также саблю в золотой оправе с драгоценными камнями.

Справка Ново-Александровского уездного Казначейства говорит, что в 1915 году, 2 декабря, Хан Хивинский перевел на имя генерал-губернатора Мартсона 10.000 руб.

Все эти взятки и пожертвования давались не только для того, чтобы получить благорасположение властей предержащих, но и для того, чтобы получить оружие. Сухомлинов выслал хану Хивинскому для вооружения его нукеров 3.000 3-х линейных винтовок и берданок, но ген. губ. Мартсон, в руки которого также текли огромные ханские суммы денег под видом благотворительности, арестовал груз в гор. Чарджуе, опасаясь вооружения хана Хивинского. Характерно, что в переписке между ген. губ. и Главным Штабом, последний до момента разоблачений Мясоедова и Сухомлинова «настоятельно просит» о выдаче этих винтовок хану, а после этого в письмах к Мартсону всю вину в посылке оружия возлагает на министра Сухомлинова. Министр Ваквафа Баканов ездил сам в Петербург и вел переговоры через Азиатскую часть Главн. Штаба и в частности через ген. м. Давлетшина.

Хан Хивинский и Ваквафа Баканов утверждают, что представители русской власти, Нач. Аму-Дарьинского Отдела полк. Колосовский получил взяток около 200.000 р. Колосовский признает получение от самого хана на нужды войны около 80.000—90.000 р., хотя допускает, что вообще через его руки «пожертвованных» денег прошло, м. б. более 200.000 р. В свою личную пользу Колосовский признает лишь получение 2-х породистых жеребцов из конюшни хана.

Нам нет надобности настаивать на том, что Мартсон и Колосовский брали взятки, как ген. Цейль, Сухомлинов, Галкин, под видом пожертвований на нужды войны. Достаточно привести выдержку из об'яснения Колосовского, чтобы понять деморализующее влияние на всю администрацию и население этих пожертвований на нужды войны.

Колосовский пишет: «все деньги, поступающие в мое распоряжение, передавались мне ханом лично или через его доверенных сановников на разные благотворительные нужды; иногда это делалось от имени его высочества, иногда анонимно, иног-

да от третьих лиц, иногда от разных групп и сообществ... С чувством невольной краски в лице должен сознаться, что *не все эти пожертвования сделаны были Хивинским ханом по его собственному почину: иногда по указанию свыше, мне приходилось делать ему любезные напоминания, граничившие в отдельных случаях с почти незамаскированным вымогательством»*. (Д. охр. отд. № 1899-а).

Удивительно откровенное признание. Оно и характеризует весь дух эпохи войны.

Точно такая же вакханалия сбора пожертвований происходила по всей Средней Азии. Эти вымогательства диктовались свыше, т. е. генерал губернатором и в обращениях к населению мотивировались тем обстоятельством, что туземцы не отбывают воинской повинности.

Для удовлетворения притязаний Колосовского, Сухомлинова и прочей братии, Хан Хивинский всю тяжесть нового налогового бремени возлагал на иомудов, которые до 1912 года облагались меньшим налогом, сравнительно с узбеками. Попытки обложить более тугим ярмом налогов и вызвали восстание Джунаид-Хана в 1912 г. и в 1915 г.

В русских владениях благотворительные суммы собирались с населения, как таковые, а не под видом новых налогов. Точно также собирали и пожертвования продуктами.

Расследования причин восстания 1916 года, произведенные Куропаткиным, вскрыли взяточничество, как русской администрации, так и волостных и сельских управителей, которые постепенно заменялись до войны не по выборам, а по назначению.

В делах канц. ген. губ. есть ряд прошений жителей (например Самарканда, Ферганы), которые заявляют, что старшие и участковые аксакалы, собирая деньги, как и продукты и одежду, передают далеко не все—иногда от 1/8 до 1/4 собранного, а иногда лишь 1/10. При системе сдачи подобных денег лично губернатору или ген. губернатору старшим аксакалом, собиравшим деньги через пятидесятников, заявления эти являются вполне правдоподобными.

За годы войны, как говорится в докладе Куропаткина, собрано было 2.400.000 рублей пожертвований на нужды войны. К этой цифре нужно приписать еще один ноль, чтобы иметь приблизительное представление о том, какую сумму население должно было выложить по случаю войны, помимо возросших налогов.

Во всяком случае с населения собрали «на нужды войны» не менее 20 мил. рублей.

Все эти «пожертвования»—превосходная почва для махрового цветочка взяточничества во всех отраслях управления и хозяйства края.

Так, например, в журнале общего присутствия Ферганского областного Правления в октябре 1916 г. читаем:

«По подсчету, только на основании оффициальных, имеющихся в деле, данных в Андижане в течение года (с 1 августа 1915 года по по 1 августа 1916 года) распродано содержателями гостиниц, шашлычных, кофейных, молочных, чайных и др. заведений 3.450 ведер водки и водочных изделий и 450 вед. вина... Пристава С. И. Золотов и А. Н. Сологуб... из корыстных видов допустили продажу этих напитков... а когда запас вина и водки в местных складах и магазинах иссяк, то содействовали организации по доставке спиртных напитков из других мест, а именно: все спиртные напитки, которые прибывали в Андижан через транспотные конторы для дальнейшей отправки в Кашгар, выдавали в присутствии акцизных чинов. Иванова... и под охраной городовых Русанова и Говорова, а иногда и самих приставов, водка, пиво и вино развозились по городу..., причем означенные пристава, помимо вознаграждения за каждую проданную бутылку спиртных напитков пользы (ящик водки давали приставу 60 р.), получали ежемесячную плату с гостиниц по 100—200 рублей, с мелких заведений по 50 рублей и с каждой проститутки по 25 рублей». Кроме того, напитки, конфискованные ж.-д. жандармами, эти пристава присваивали себе и продавали в свою пользу (расследования по жандармским протоколам не производили и актов об уничтожении конфискованных напитков не составляли). Пристав Золотов, за выдачу разрешения на право содержать гостиницу «Одесса», потребовал и получил с содержателя 100 руб.

В другом журнале «Общего Присутствия» Ферганского обл. Правл. от 15/XI 1916 г. читаем:

1 старший аксакал, 2 аксакала, 2 полицейских пристава, 6 волостных управителей, 6 народных судей, 1 городовой, 1 арык-аксакал навлекли со стороны общего присутствия обвинения во взяточничестве, вымогательстве, в частности, при наборе рабочих на тыловые работы, присвоении чужого имущества (пристава), в присвоении чужих денег, поборах за выдачу паспортов, допущение продажи водки, в бесплатном пользовании трудом населения для обработки своих земель (пристав) и построек (вол. управитель), поборах: фуражем, дровами, присвоении опекунского имущества, вверенного по службе, неправосудии, совершении подложных документов, совершению подлогов (К. Г. Г. д. 35/1916, л. 24).

Целый ряд других дел, где привлекается «герой тыла», говорит за то, что бойко шла торговля не только водкой, но и проститутками, бачами [1]. Кажется, не было такого вида деятельности, обывателя или предприятия, из которого не извлекали бы себе «прибыль» г.г. пристава, управители и пр.

Подрядчик весов на базаре вместо 1 коп. с пуда, берет до 2-х руб. с каждого веса.

[1]) Бача—пассивный педераст.

Весы отпускаются самим отделением за взятки.

На содержание беженцев население должно было доставлять продукты за плату. Ст. аксакал, платя населению лишь половину стоимости, получал «прибыли» приблизительно более 10.000 рублей в месяц. Назначенные над беженцами участковые пристава, благодаря этому имели дохода от 30 до 50 рублей в месяц каждый.

При поисках запасов сахара в магазинах брали взятки от 200 р. до 10.000 р. с каждого торговца.

Аксакалы под видом сбора жалованья (300 р. в год) собирали до 2.000 руб. На чистку головных арыков выставлялось только 25 проц. затребованного арык-аксакалом количества рабочих—за остальных аксакалы брали деньгами в свой карман.

При мобилизации лошадей брали взятки.

За разрешение ночного базара в «Уразу» с каждого чайханщика или содержателя столовой брали до 3.000 руб Доход по 500 рублей с каждого бачи также частично шел в пользу администрации (д. 51 1916 г).

В Пржевальском уез. все плантации опия, говорит Охранное Отделение, были обложены в пользу чиновников Уездного Управления особым налогом в размере 5 рублей с десятины. Цена на опиум в соседнем Китае стояла очень высокая. Пользуясь этим, русские чиновники, ссылаясь на то, что будто бы и русские законы запрещают выработку опия, требовали у населения скосить мак, как раз перед сбором опия.

Цена на опий для русской армии была определена в 15 р. фунт, а скупщики довели эту цену до 60 рублей. В 1916 году было засеяно до 5½ тыс. десятин маком. На опиуме наживались и пограничники, и особая стража для борьбы с контрабандой опиума. Все они брали огромные взятки (Ф. охр. отд. № 1888, л. 56—57).

Вот фигура из большой серии героев мировой войны из числа «господ Ташкентцев».

Пржевальский уездый начальник, полковник Иванов центральная фигура всех событий, происшедших в Пржевальском уезде.

«Полковник Иванов, пишет охранное отд., человек с широкими замашками русского барина. Все, чтобы не предпринимал г. Иванов, отзывалось известной помпезностью. Если г. Иванов играл в карты, то по крупной, если устраивал обед, то подавалось все, что можно было достать наилучшего. Если г. Иванов совершал поездку по уезду, то эта поездка напоминала собой триумфальное шествие, для чего собирались в гор. Пржевальске должностные лица и манапы, которые верхами сопровождали экипаж уездного начальника. Заранее в местах остановки выставлялись лучшие юрты и накануне выезжал повар... Как в административных, так и в общественных кругах Семиреченской области, полковник Иванов имел свою кличку:

«Валериан Великолепный» (ф. охран. отд. № 1888, л. 58). Полковник Иванов жил выше средств, «взяток не брал», но в долг занимал у туземцев очень много. Сколько именно определить не удалось, но он был должен почти всем влиятельным и богатым манапам. Однако и «в долг» он брал не непосредственно, а через «преданных» ему туземцев (джигит, которого Иванов провел волостным управителем, Кыдыр). «Все эти Кыдыры, джигиты сами вымогали деньги, пользуясь своей близостью к начальнику уезда» (там же л. 55).

В отчете на имя царя Куропаткин признает разложение и взяточничество только среди туземной администрации у киргиз, узбек. Он говорит: «Волостные старшины и судьи (казии) стали во многих случаях на сторону богачей и решали дела в их пользу с явным пристрастием. Обедневшая масса населения в трех основных областях в значительной степени стала недовольна своими туземными властями, судьями и при возникших беспорядках обрушалась на волостных старшин и писарей... Киргизы недовольны самоуправством и поборами своих волостных управителей, недовольны и своим народным судом биев. Выборное начало и среди киргиз спорадически нарушалось. В том же Пржевальском уезде, наример, «в течение ряда лет выборы в волостные управители Дунганской, Мариинской волости сопровождались жестокой борьбой партий Большого и Малого Хазрата. Во время этой борьбы был убит волостной управитель. Это событие случилось несколько лет назад и с того времени ни одни выборы не приводили к каким-либо положительным результатам, почему волостным управителем был назначен по представлению полковника Иванова глава партии Большого Хозрата, старик лет 60, Маджан Марафу- человек очень богатый... Подоплеки этого назначения, намекает жандарм охранного отделения, выяснить не удалось..»

Взятки продуктами и деньгами, под видом сбора пожертвований на нужды войны, -основной по своим размерам добавочный налог на неселение во время войны. Отвратительная форма этого налога давала возможность развиться самому беззастенчивому открытому обирательству.

Но и «законные» формы выкачивания средств из населения на нужды войны не отставали по своим размерам от взяток и «пожертвований».

«В течение войны, говорит Куропаткин в отчете царю, из Туркестанского края отправлено нужных для армии грузов:

Хлопка	40.899.244	пуда.
Кошмы	33.004	кв. арш.
Хлопкового масла . .	3.109.000	пуд.
Мыла	229.000	„
Мяса в заготовке . . .	300.000	„
Рыбы	473.928	„
Клещевины	50.000	

Он не говорит, какое количество живого скота и в частности лошадей было отобрано у населения «по казенным ценам». Уже это перечисление вывезенных продуктов об'ясняет многое в восстании 1916 года. Нужно иметь в виду, что ажиотация русских фирм на хлопке (ведь 1916 год—рекордный по количеству собранного и вывезенного хлопка) на общем фоне беззакония приняла формы беспардонного грабежа.

И после восстания, когда приезд Куропаткина разрядил немного атмосферу бесправия, грабежи продолжались.

Так, Андижанская газета «Туркестанский голос» [1]). повидимому орган андижанското Джадидского кружка «Тараккн Павар», в августе и сентябре печатала в каждом номере объявление с просьбой сообщать в редакцию обо всех случаях описи за долги хлопка на корню.

Грабеж среди белого дня!—Дёхкан снабжают деньгами перед посевом, а перед сбором урожая описывают «на законном основании» хлопок на корню. Хищничество самое откровенное, даже без заботы о сборе хлопка на следующий год. Хищничество, не имеющее оправдания и в царских законах. Мобилизация лошадей проводилась в Туркестане на основе самой густой смазки взяткой. Волостные мобилизовали лошадей у бедноты. Баи в городах просто откупались, манапы в степи угоняли своих лошадей, в горы. Бедняк киргиз, узбек, таджик отдавал последнюю лошадь.

Объявление о наборе рабочих на тыловые работы было опубликовано в категорической форме. Возраст сначала указали от 19 до 43 лет, и лишь после первых волнений сократили до 35 лет.

Это объявление было сделано тогда, когда работы на хлопковых полях были в разгаре. Недовольными оказались не только бедняки и средняки, которые исключительно попадали в «реквизиционные» списки, но и часть баев, которые легко откупались. Последние боялись повышения цены на рабочие руки.

Непосредственным поводом к восстанию послужило объявление о реквизиции рабочих, но, конечно, не это было главной причиной.

При составлении списков и разверсток выборная администрация, волостные управители, кишлачные аксакалы, пятидесятники, почетные лица, все принадлежащие к победившей на выборах партии, воспользовались таким небывалым случаем, как набор на тыловые работы населения. Поборы с богатых людей, притеснения и эксплоатация бедноты усилились до небывалых размеров.

---

[1]) Начала выходить 1 июня 1916 г.

Нужно иметь в виду, что в течение 50 лет и во время двух последних лет войны не было известно каких-либо предположений по поводу привлечения местного населения к воинской повинности. Закон освобождал не только «туземцев», но и пришлое русское население от отбывания воинской повинности. Среди местного населения, в связи со сборами пожертвований на нужды войны существовало определенное мнение, что эти пожертвования заменяют воинскую повинность. Воззвания о пожертвованиях царской администрации не раз ссылались на освобождение от отбывания воинской повинности. Население говорило о том, что при завоевании Туркестана первый генерал-губернатор Черняев обещал никогда не брать местное население на военную службу.

Приказ о призыве на работу явился совершенно неожиданным и население не верило, что берут только на работы. Все считали, что берут в солдаты. Все знали о неисчислимых жертвах войны, знали что редкий солдат возвращается живым и неискалеченным с этой убийственной войны.

Никакой агитации правительства, если не считать, письменной прокламации распространенной через уездных начальников, проделано не было.

Но при всем том, нельзя считать что восстание было вызвано искусственно самой администрацией.

«Указ» царя о реквизиции рабочих не провокация с целью вызвать восстание и уничтожить во время подавления его население и тем самым освободить землю для русских переселенцев. Объективно это так и вышло. Освобожденные киргизские земли были заняты русскими переселенцами. Но все же неверно освещают вопрос т.т. Бройдо и Рыскулов («Новый Восток» № 6), когда говорят, что призыв на работы был сознательной провокацией со стороны администрации. Жажда легкой наживы свойственна во время войны не только местной администрации, но и всему царскому строю. Помещикам, сахарозаводчикам, фабрикантам в России нужны были дешевые рабочие руки. Их не могла остановить опасность восстания среди туземцев. Беглое ознакомление с характером использования рабочих уже указывает определенно, что главные массы рабочих были использованы на свекловичных плантациях, и в помещичьих крупных имениях, на заводах и фабриках.

В интересах русских крупнейших помещиков и фабрикантов была проведена мобилизация. Обнищание населения, благодаря поборам, увеличению налогов, мобилизации скота и пр. вызвали возмущение в самых угнетенных слоях населения.

В кратком обзоре событий за июль месяц генерал-губернатор так характеризует общее настроение населения, в связи с объявлением набора рабочих.

«Первые дни по всеобщем оповещении туземцев о реквизиции протекли при наружном спокойствии населеная, но все

же среди них было заметно глухое брожение: опустели базары, обычные среди туземцев коренных областей края сборища для вечерних увеселений во время бывшего тогда мусульманского поста почти прекратились, масса народа собиралась лишь на молитвы в мечети и религиозное возбуждение, доходившее порой до фанатизма, очевидно стало играть не последнюю роль в общем настроении населения; появились признаки общей согласованности между главными центрами мусульманства в крае и возникли даже слухи о предстоящем будто-бы 31 (18) июля общем восстании мусульман в первый день всемусульманского праздника Адиди-Фитр.

Должностные и почетные лица из туземцев, при объезде губернаторами областей, хотя и признавали необходимость приступить к наряду рабочих, но не скрывали, что население волнуется и относится враждебно к требованиям о наряде рабочих; было заявлено несколько ходатайств о замене натуральной повинности денежною, мотивированных опасениями о будто-бы грозящем разорении целых семей в сельских обществах, ввиду недостатка рабочих рук для реализации хлопка, так как женский труд в этом деле, якобы по укладу мусульманской жизни, не применим; туркмены заявили о желании служить лучше в рядах армии, чем быть работниками и просили свою бывшую ханшу Гуль-Джамаль, быть посредницею между ними и высшим правительством. Подавленное настроение замечалось также среди киргиз Семиреченской области. Состоятельные туземцы Ташкента и Самарканда стали на случай беспорядков, вывозить свои семьи из города и прятать наиболее ценные вещи в садах и окрестностях. По сведениям политического агента в Бухаре, 20 (7) июля из Самарканда выехали в Афганистан посланцы с просьбой о помощи.

Начавшиеся с 17 (4) июля в разных местах края беспорядки носили, однако, в первое время характер единичных выступлений, хотя и сопровождавшихся часто тяжелыми преступлениями: убийствами должностных лиц туземной администрации, писарей джигитов, разгромом их имуществ, открытым изъявлением непокорности и т. п., но быстро прекращавшихся с прибытием ближайших к местам беспорядков воинских частей и арестом главарей, зачинщиков и участников. По получении известия о первых беспорядках, из расквартированных в крае запасных полков и дружин были высланы 37½ рот на охрану железных дорог и 33 роты и 3 сотни на охрану русских поселков».

До сих пор среди узбеков гор. Ташкента, при разговорах о 1916 г. многие рассказывают, что восстание 1916 года было начато женщинами ст. гор. Ташкента. В день 24 (11) июля, когда в полицейском управлении должны были собраться пятидесятники старого города по вопросу о наборе узбеков на тыловые работы армии, женщины собрались около управления и

кричали «дод» (призыв людей на помощь—«караул») Они кричали, что рабочих не дадут, что лучше здесь умирать, чем отдавать сыновей и мужей на войну.

К женщинам присоединились мужчины и образовалась толпа. Напором толпы была сломана деревянная решетка во двор полицейского управления и толпа хлынула к крыльцу. Вышел полицеймейстер Мочалов, пристав и городовые. Толпа кричала—„дод", „лучше умереть,—рабочих не дадим". Пожилая женщина Ризай Биби Ахмеджанова сорвала с себя чадру и закричала приставу: „Лучше убей меня, а сына я не дам". Мочалов ответил: „Если хочешь, получай и выстрелил в нее. Ахмеджанова упала, тяжело раненая в живот и через некоторое время в больнице умерла.

В следственном материале этот случай совершенно не освещен, никто из свидетелей обвинения не говорит, что Мочалов стрелял в женщину. Рассказывают про аналогичный случай с мужчиной.

Повидимому, свидетели считали удобным для себя замолчать героический расстрел женщины.

Городовые, пристава, полицеймейстер Мочалов, а затем полицеймейстер Колесников, с приездом которого с конвоем 5 казаков возбуждение усилилось, несколько раз стреляли в толпу, чтобы отогнать ее от здания или чтобы выручить того или иного чиновника, или полицейского, захваченного толпой. Сам Колесников был спасен от толпы только залпом городовых. Толпа разбушевалась, камнями были выбиты все окна, многие городовые были до потери сознания ушиблены. Телефон был оборван. Если бы на выручку не явилась школа прапорщиков, все городовые в управлении были бы перебиты. Школа прапорщиков, 2 роты 732 дружины и конвой командующего войсками навели „порядок" и разогнали толпу, арестовав несколько человек, продолжавших кричать.

На „поле брани" осталось 6 чел. убитых и 6 человек тяжело раненных, которые не могли уйти. Всего ранено было несколько десятков человек. Все раненые, которых удалось полиции найти, были отданы под суд, как явно присутствовавшие в толпе.

События в ст. городе Ташкенте считаются началом всего восстания. Во многих местах, в частности в Джизаке и Джизакском уезде Ташкентский «бунт» был принят как сигнал к всеобщему восстанию. Однако в Сыр-Дарьинской области Ташкентские события не имели непосредственного отклика. Только в Ташкентском уезде в г. Ханабаде 27 (14) июля толпа в 700 человек побила Кентжигалинского волостного управителя, джигита и урядника (фонд 1, дело 108 л. 37). В к. Ак-Курган толпа в 600 чел. угрожала убить волостного (там же л. 100); в к. Бука толпа в 1000 человек требовала отложить составление

списка до тех пор, пока выяснится отношение всего населения к набору (л. 105).

3 августа (21 июля) в целом ряде волостей происходили с'езды-сходы пятидесятников и аксакалов, выносившее постановления о наборе.

Во время разверстки наряда рабочих при станции Кауфманской Ташкентского уезда, произошли беспорядки, при подавлении которых ударом ножа убит русский рабочий; узбеков убито 2-ое и ранен 1.

Того же числа произошли беспорядки в селении Чиназ: во время составления приговора о разверстке рабочих, на чиназцев напали киргизы Алтыновской и Джаусугульской волостей, причем в происшедшей схватке ранено было несколько киргиз.

Около того же числа из Джаусугульской волости население аулов Караганы, Джидали и Алкагул откочевали в Богданский район Джизакского уезда Самаркандской области, где в то время происходило восстание. 3 августа (26 июля) в Перовском уезде был убит Масловский волостной управитель.

В Аму-Дарьинском отделе 5 августа (24 июля) толпой кара-киргиз был зверски убит Чимбайский участковый пристав Микельджанянц и его жена, а 11 августа (29 июля) на волостном сходе Сарыбийской волости толпа убила волостного управителя и 3-х старшин и ранила 2-х туземцев; 5 человек. подозреваемых в подстрекательстве к этому, были задержаны.

Население при восстании обрекало себя на уничтожение. Хорошо была известна и расправа царских прислужников с безоруженной толпой в Ташкенте. Поэтому движение не приняло широкого размаха.

Иначе обстояло дело в Самаркандской области. В Джизакском уезде бунт в Ташкенте был понят, как сигнал к вооруженному восстанию.

В период времени с 26 по 30 (13 по 17) июля в гор. Джизаке и его окрестностях население, вооружившись ружьями, револьверами, пиками, топорами, ножами и палками, несколько раз нападали на войсковые команды, отдельных воинских чинов, на должностных лиц уездной администрации и полиции, на ж. д. служащих и на частных лиц русского происхождения. Во многих местах по линии железной дороги вывернуты были рельсы, сожжены мосты и жилые дома, порваны телеграфные провода, разбиты изоляторы, уничтожены железнодорожные казармы и сооружения. В Джизаке толпа убила начальника уезда Рукина, полицейского пристава, переводчика, городового, солдата, Джизакского аксакала, трех жел. дор. служащих и русских жителей: трех женщин, девушку и двоих детей.

Военная жестокая расправа не остановила движения. 28 (15-го) июля в к. Яны, Багданской волости толпа ворвалась в канцелярию, квартиру участкового пристава и в больницу.

Разгромив канцелярию, толпа уничтожила переписку и книги. Удушен был лесной сторож. С 31 (18-го) июля движение начало разрастаться вширь и вглубь. Образовались огромные толпы людей, вооруженных небольшим количеством ружей и револьверов, пик и почти поголовно ножами, топорами и палками. Толпа начала приобретать характер организованных отрядов, получавших снабжение огнестрельными припасами и оружием, провиантом и фуражем. Была объявлена священная война против русского владычества. Джизакским беком провозгласили Абдурахмана Ходжа Абдужабарова Джевачи. Отряды двинулись походом на Джизак.

3 августа (21 июля) вступили в бой с отрядом подполковника Афанасьева, высланного против них. У солдат был убит 1 человек. Расправа с толпой проведена «по всем правилам» военной техники и искусства мясников, (ф. I дело 109 л. 3).

Волнения, обсуждения призыва на тыловые работы, начались среди населения, как только начали составлять посемейные списки подлежащих мобилизации.

Так, жители Куль-Курганской волости, Катта-Курганского уезда уже 16 (3) июля собрались на митинг и постановили (поклялись) убить своего волостного аксакала, казия, кишлачных аксакалов и всех сторонников русского правительства за то, что те составляли ненавистные списки. Волнения и толки по этому вопросу продолжались до 1 августа (19 июля). В этот день большая толпа калькурганцев, вооружившись ножами, серпами, ружьями, шашками, кистенями и палками, двинулись на г. Катта-Курган. По дороге толпа избила встреченного «сторонника русского правительства» Ходжи Махмут Абдухамирова.

2 августа (20 июля) толпа прибыла в к. Узбек-кенты и, с криками «убьем всех властей, потому что они нас продали и получили большие деньги» избили до смерти 2-х казиев, побили пятидесятника, ранили шашкой его жену. В числе руководителей толпы был и кандидат Каль-Курганского казия Мулла Худай Назар Абдухалыков (№ 87).

В к. Ургут, Самаркандского уезда 18 (5) июля толпа в 500 чел., побив аксакала, изорвала списки (д. 109 л. 3).

В Минг-Арыкской волости Катта-Курганского у. толпа напала на дом волостного Ак-Чурганского аксакала и Чинальтинского аксакала, разгромила их, выбив стекла, побила родственников аксакалов и чуть не убила их самих. Толпа оказала сопротивление (имелись ружья, револьверы) и вступила в бой с командой 7 Сиб. стр. полка в 87 человек (д. 109, л. 47).

31 июля—1 августа (18—19 июля) в к. Сингир-Кишлак и Пардум Джалиской вол., Катта-Курганского уезда толпа в 300 ч. избила двух кишлачных аксакалов, одного из них арестовала, заковала в конские путы и бросила в сарай. Разослали пись-

менное воззвание об объявлении священной войны и двинулись в г. Катта-Курган (л. 310).

28 (15) июля в г. Катта-Кургане толпа избила нагайками и кулаками Чимбайского волостного и помощника аксакала (лист. 271).

В Самаркандской области движение носило характер более организованный, чем в других узбекских районах. Это объясняется тем обстоятельством, что в движении принимали участие и богатые «почетные» лица. Руководителями повстанцев выступают побежденные кандидаты на последних выборах, как это было в Каль-Курганской вол. Имеются случаи явного и организованного выступления всей выборной администрации на стороне населения.

В г. Ходженте пятидесятники просили пристава Устимовича отменить составление списков до окончания «Уразы» и сабатировали работу по составлению списков, привлекая к протесту всех жителей.

17 (4) июля толпа в 200—300 человек, не веря Устимовичу. что составление списков отложено, требовала от него подписки в этом. Произошла свалка, между полицией и толпой, в которой были побиты полицейский Дьяков, помощник нач. уезда. Вмешалась дежурная команда в 5 человек из крепости, но толпа заставила их бежать. Только обстрел из цепи с вала крепости рассеял толпу. Убито было 2 и 1 ранен (л. 69).

Еще определеннее выступление выборной администрации было в г. Катта-Кургане. Здесь пятидесятники, собранные 2-го августа (20 июля) уездным начальником для составления приговора и набора рабочих на тыловые работы, заявили уездному начальнику, что они не будут составлять приговора и списков до тех пор, пока не даст рабочих г. Самарканд. 93 пятидесятника было арестовано. На выручку арестованным к арестному дому двинулась большая толпа, встреченная командой 7 Сиб. Зап. стр. полка в 57 человек. Командир прапорщик Стеблюк потребовал разойтись, угрожая стрельбой. Толпа кричала, что идет жаловаться к уездному начальнику. Кто-то из мечети выстрелил. Команда ответила двумя залпами; топла разбежалась, оставив 5 человек убитых (л. 106).

В Самаркандской области волнения имели повторение в августе, но уже принимали характер индивидуально-террористических выступлений.

Так, 10 августа (28 июля) в поселке Беш-Кудук Баксасы-Бергенской волости Ходжентского у. было совершено покушение на убийство волостного за то, что тот согласился производить набор (д. 109, л. 166) 31 (18) августа по дороге между Аждагари Миргули убили пятидесятника Буркуш Абдукариева.

Но бывали случаи и массовых выступлений. Так, Уиджинские пятидесятники 21 (8) августа на сходе отказались составлять списки до решения вопроса всем населением Туркестана.

22 (9) августа в кишлаке Костакоз Ходжент. уезда толпа избила волостного аксакала.

Восстание в Самаркандской области было настолько большим, что правительство вынуждено было послать на усмирение значительные воинские части. Генерал-губернатор в кратком обзоре событий за июль месяц перечисляет все меры, принятые для ликвидации восстания.

По получении известия о Джизакском восстании, из Ташкента и Самарканда были немедленно высланы в Джизакский уезд войска в составе 13 рот, 6 орудий, 3 сотен казаков и 3/4 роты сапер, из которых был сформирован особый карательно-охранительный отряд под общим начальством помощника военного губернатора Семиреченской области полковника Иванова. При пехотных частях образованы были большие команды ездящей пехоты, для которых лошади с седлами были реквизированы.

Часть этого отряда заняла для охраны участок вдоль пути от станци Милютино до станции Урсатьевская, оставив небольшой гарнизон в Джизаке, а другая часть образовала пять подвижных колонн для рассеяния и наказания бунтовщиков. К 16-му июля железнодорожный путь и телеграфное сообщение во всем Джизакском уезде были восстановлены, а с 29 (16-го) июля началось сообщение между Джизаком и Ташкентом, хотя утром того же числа, на перегоне между станциями Ломакино и Джизак, при следовании почтового поезда была перестрелка с отрядом узбеков и поезд два раза останавливался, а близ станции Урсатьевской 2-мя узбеками было произведено покушение на порчу полотна железной дороги. Ближайшее к железнодорожному пути селение Заамин было занято военным отрядом, а скопившийся в окрестностях Джизака, в горах Балакты, тысячный отряд, рассеян высланными из Джизака казаками. Для преследования укрывшихся в горах „бунтовщиков" были высланы в долину Санзара и к перевалу Гуралаш три колонны: одна из Заамина и две из Джизака; 21 июля была направлена из Джизака (в сопровождении спасенного изменившими народу киргизами Богданского пристава) колонна в Богданский район. Эти колонны разобщили повстанцев, рассеяли их отряды и привели к покорности население этих районов. Население стало выдавать главарей и заявлять о готовности выставить рабочих. Действиями колонн, высланных из Джизака 8 и 9 августа (26 и 27 июля) в наиболее отдаленные местности Джизакского уезда и примыкающую к ним часть Ходжентского, в верховьях Санзара и районе Шахристана, восстание было окончательно подавлено.

Из отряда полковника Иванова повстанцами были захвачены и убиты 1 казак и один ратник.

В Ферганской области движение носило характер исключительно местных бунтов и направлено было против админист-

рации и почетных. Короткая хроника выступлений, зарегистрированных судной частью Штаба Округа, рисует следующую картину по Ферганской области.

22 (9) июля в Коканде появилась толпа около 500 человек, выражая недовольство по поводу набора рабочих, но была рассеяна полицейскими мерами, без применения оружия.

В к. Файзабад-Янги Курганской вол. Кокандского уезда толпа явилась к аксакалу, требуя списки. Аксакал сбежал. Толпа бросилась в к. Шайхляр, по дороге избила частных лиц, подозревая их в укрывательстве старшины. В к. Шейхляр подожгла дом аксакала Нарынбая Мамаюсупова, разгромила его имущество и уничтожила списки (ф. I д. 110, л 540).

В к. Газы-Яглык сошлись толпы людей из кишлаков Мингляр, Араван, Кашгар, Туркмен, Чамашби и Бирзанчи, Аравайской волости. Огромная толпа потребовала от волостного выдачи списков и подписки в том, что население не будет привлекаться на тыловые работы. Подписки волостной не дал. Толпа убила волостного и его писаря. Войска окружили кишлак. К суду было привлечено более 366 человек (д. 110 л. 363).

Вечером 23 (10) июля в к. Ганджирован толпа в несколько сот человек подошла к дому волостного и потребовала выдачи списков. Волостной отказал, толпа разошлась. На следующий день толпа вновь потребовала списки. Волостной выдал, заготовленные на этот случай копии. Толпа, уничтожив копии, разошлась. (л. 1080).

24 (11) июля старшина кишлака Тода захватил списки и хотел их отвести в волость, но по дороге его окружила толпа, стащила за ноги с коня и списки отобрала. На следующий день эти списки аксакал отобрал у Мат-Кабди Батырбаева. (ф. 1, д. 110, л. 186).

25 (12) июля в кишлаке Риштан пристав Самойлов приказал арестовать в мечети зачинщиков, побудивших толпу 23 (10) июля отобрать списки у волостного старшины. Толпа возбужденно стала кричать: «давайте нам волостного, убьем его», пытаясь окружить полицию. Пристав открыл стрельбу из револьвера (ф. 1, д. 110, л, 225).

26 (13) июля в к. Кара-Джаманшун Кара-Калпакск. вол. толпа отобрала у старшины списки, уничтожив их. Некто Мамазарт Мулла Маниязов крикнул, чтобы из толпы вышли все, кто не считает себя подданным царю. Все вышли, говоря, что они «не подданные», 27 (14) отобрали списки жители к. Инчичка, а днем жители к. Чардара (той же волости) (л. 830).

В Андижанском уезде.

22 (9) в г. Андижане уездн. нач. Бржиезцкий собрал в мечети «Джами» пятидесятников и об'явил о наборе. Собравшаяся в мечети толпа подняла шум, кричали «не дадим рабочих, не пойдем». Напирая на Бржизецкого, толпа возбуждалась все больше и больше. Бржизецкий и полицейские едва убежали.

Толпа вооружалась камнями, железными и деревянными палками, ножами, кетменями, бутылками и другими увесистыми предметами и направилась на Гультейнскую площадь. По дороге «почетный» Мад Касымов вздумал уговаривать толпу. Его избили до смерти. На площади толпу встретил наряд полиции и взвод казаков, требуя разойтись. В полицию и казаков полетели камни, палки, кетмени. Экипаж Бржизецкого окружили. Несколько залпов в толпу и Бржизецкий добился успокоения. (ф. 1, д. 110, л. 409).

23 (10) июля в к. Дальварзин Алтынкульской вол. толпа в 200 чел после об'явления печатного раз'яснения губернатора о призыве на работу, потребовала выдать списки и затем бросилась избивать должностных лиц камнями и палками, причем волостной и два джигата убиты (ф. 1, д. 110, л. 502).

В кишлаке Бек-Абад толпа в 30 чел. отобрала у аксакала списки.

Вечером 24 (11) июля в кишлаке Уч-Курган Хакулабадской волости толпа, требуя списки, разбила окна в доме аксакала. На другой день толпа пыталась разгромить торговые лавки. (ф. 1, д. 110, л. 309).

В ночь с 24 на 25 (с 11 на 12) июля в с. Дон-Кайма Балыкчинской вол. толпа в несколько сот человек ворвалась в дом аксакала, разбила шкаф, порвала черновики списков, избила уговаривавшего толпу «почетного». (ф. 1 д, 110 л. 467).

25 (12) июля в кишлаке Ходжиабат Балыкчинск. вол. толпа явилась в дом аксакала, обыскала его дом и отобрала списки. Затем толпа разгромила дом пятидесятника Хаджамукулова (ф. 1, д. 110, л. 343).

В к. Баба-Газы толпа в 300 чел. отобрала списки у аксакала (ф. 1, д. 110, л. 398).

Вечером 2о (13) июля в к. Урманбек Балыкчинск. вол. толпа пришла в дом пятидесятника Дауткула Яргобаева, но он убежал, толпа разошлась. На другой день волостной Ирмат Норматов, кое как уговорил толпу разойтись, но вечером толпа вновь собралась около дома пятидесятника, обсуждая дело до 12 час. и разошлась (ф. 1, д. 110, л. 402).

В кишлаке Чуама, Майгурской вол. на базаре собралась толпа человек в 300, узнав о приезде в Чуама отряда статистиков и приняв его за отряд по набору на тыловые работы. Вооруженные палками, камнями и топорами, люди кричали «убьем русских, которые переписывают народ, чтобы брать его в солдаты, убьем старшину и волостного управителя». Толпа не пропускала к аксакалу пятидесятников, вызванных статистическим отрядом и с криками направилась к аксакалу Кипчакбаю, взломав ворота, ворвалась в дом, выбила стекла уничтожила и растащила имущество. Под'ехавший в это время пятидесятник Кипчакбай Баймурзаев был избит толпой до смерти. (ф. 1, д. 100, л. 195).

В период времени с 25 по 27 (12- 14) июля в к. Чуджа Чарынской волости, толпа вооруженная камнями, палками и серпами ворвалась в дом аксакала Музраида Калинзбая Оглы и пятидесятника Турсунбая Норматбаева выломала двери и не застав его дома, избила трех односельчан, требуя от них указания, где аксакал, десятник? (ф. 1, д. 110, л. 351).

26 (13) июля толпа в к. Календар Курганча захватила пятидесятника из дома, отвела в Аалендар Аурганча и там его убила. (ф. 1, д. 110, л. 520 .

26 (13) июля в к. Инды Мазар толпа ворвалась в дом аксакала, требуя списки. Аксакала не было дома. Толпа разошлась (ф. 1, д. 110, л. 433). В к. Кош-Тепе Сарай толпа в несколько сот человек выбила стекла у волостного и унесла казенные книги и переписку (ф. 1, д. 110, л. 451).

В кишлаке Кутерма, Джаля-Кудукск. вол. толпа напала на дом сельского старшины Мулла Нияз Усман Ходжаева, разгромила его, побила стекла, перебросав и перепортив имущество (ф. 1, д. 110, л. 154). В селе Катта, Джаля-Кудукск. волости вечером толпа во главе с Сарыб Алды Ходжа-Ходжаевым напала на дом писаря аксакала и потребовала списки рабочих по мобилизации. Когда писарь отказал, толпа набросилась на него и ударами палок и кетменей убила (ф. 1, д. 110, л. 162).

Большая толпа явилась к аксакалу к. Ходжеват, Нарын. вол, требуя списков. Волостной, явившийся с 3 стражниками и 4 джигитами, разогнал толпу, стреляя из револьверов (ф. 1, д. 1 0, л. 491 .

В Суфи-Кишлак, тоже Грунч-Мазар, Джаль-Кудукской волости большая толпа, вооруженная камнями, палками и собравшаяся из кишлаков Кудукской волости, подняла крики, что рабочих не дадут, потребовала выдачи посемейных списков, а затем набросилась на писаря волостного правления и еще 3 писарей, защищавших этого писаря и избила их до смерти. Привлечено к суду 53 человек (ф. 1, д. 110, л. 1—11.)

27 (14) в к. Тода, Нарын. вол. толпа более 500 человек, явилась к дому аксакала Яшикского сельского общества, требуя списков, избила аксакала и заступившихся за него трех «почетных» (ф. 1, д. 110, л. 477).

В Скобелевском (Маргеланском) уезде:

23 (10) июля 1916 г. в г. ст. Маргелане были собраны на площади Урда пятидесятники, явилась толпа в количестве более 1000 человек и полицеймейстер подпол. Пахотин стал об'яснять содержание указа о мобилизации. Толпа, вооруженная палками, камнями, взволновалась, подняла крики: «не дадим народ в солдаты», «бей полицию», «бей аксакалов». Полетели камни в полицеймейстера, приставов, городовых, ногами избивали городовых, аксакалов и караульщиков (избито до смерти 7 человек), вслед убегающей полицией толпа бросилась в тир Токадзе, кинематограф, карусель, в частные квартиры, в дома аксакалов,

торговцев, громя помещения и обстановку (при чем убито было еще 2 человека—торговца). Суду предано 82 человека (ф. I, д. 110, л. 71). В квартире Джизади Дерсан ворвавшаяся толпа пробила палками портрет Николая II, крича «ур»—бей.

24 (11) июля в к. Ишан-Гузар Файзыбадской вол. толпа, собравшись из соседних кишлаков ворвалась в мечеть и убила казия. Ранила участкового пристава Якина, избила волостного и двух казаков (л. 1250).

24 (11) июля в к. Яккатут толпа, призывая к священной войне «газават», напала на 3 пятидесятников, составляющих списки, избила их и двинулась к дому волостного управителя, отняла у него списки, уничтожила книги и документы и на требование прибывшего отряда казаков, стала бросать в них камни. Толпа разогнана обстрелом казаков. (л. 845).

24 (11) июля в к. Шур-Курган, Кепинск. вол., Наманг. у. в мечеть собралась толпа человек в 300. Подходя к дому волостного, где помещался отряд статистиков (по переписи скота), потребовала выдачи списков, ворвалась в дом старшины, сбросила волостного со второго этажа и избила его до смерти, разгромила имущество, разбросала и уничтожила бумаги, стала гоняться за статистиками (л. 1011).

25 (12) в к. Ляган, Аувальск. вол. в мечети собралась толпа, обсуждавшая набор. Управитель убежал. Толпа человек в 50 явилась к дому волостного. Кандидат и управитель на коне начал разгонять толпу. Толпа его избила (ф. 1, д 110, л. 673).

25 (12) июля в пределах Яз-Яванск. вол. толпа, встретив пристава Як‘ина потребовала от него выдачи подписки в том, что призыва проведено не будет, а затем, когда пристав убежал, толпа вооруженная камнями, палками в к. Хакузляр ворвалась в дом пятидесятника, взяла ружье; в к. Купрык-Баши напали на дом старшины и разгромили его, взяли два ружья; в к. Чалапан напали на дом, где жил волостной управитель, взяли канцелярские дела и сожгли эти дела; в к. Хатын-Арык напали на дом пятидесятника, захватили ружье; в кишлаке Каш-Куприк напали на дом Мираба—завед. распределением воды—и убили Мираба; в кишлаке Джини-ляр напали на дом ссудо-сберегательного т-ва, разгромили контору, выбили стекла. Когда же явился отряд казаков, толпа встретила его выстрелами. Толпа разогнана залпами и нагайками казаков.

25 (12) в к. Шарихан толпа собралась на базарной площади, подняла крик, что рабочих не дадут. На требование пристава Федулова разойтись, когда прибыл взвод казаков, толпа стала теснить казаков, бросая камни, пытаясь стащить с лошадей. Одного казака ранили ножем в спину (л. 742).

26 (13) августа в к. Чаркисар толпа не пускала пятидесятников на с‘езд в к. Чадак. Волостной заставил толпу пустить пятидесятников. Когда пятидесятники не от‘ехали и пол-

версты, толпа женщин их задержала вновь, крича «не дадим наших детей в Ташкент». Толпа стащила едущих с коней и избила старшину (л. 756).

В Наманганском уезде:

24 (11) июля в квартале Кураш-Хола, Ляббай Тагайской части г. Намангана на базарной площади собралась толпа протестуя против набора. Войска не могли разогнать толпу мирно—люди хватали солдат за оружие. Только после нескольких залпов, толпа разошлась (1181).

25 (12) июля в к. Нижний Алмаз, Наманг. у. на площади во время собрания пятидесятников, собралась толпа и отобрав списки уничтожила их и избила писаря и пятидесятника. Писарь остался жив благодаря заступничеству нескольких «почетных» (1170).

26 (13) июля в к. Ходжа-Абад Папской вол. Наманг. у. толпа человек в 20 отобрала списки, порвала их и сожгла в мечети (л. 765).

25 (12) июля пятидесятники к. Кара-кадак явились к управителю Варзыкской вол. Наманг. уезда и потребовали выдачи книг посемейных списков для хранения у себя. Пятидесятники угрожали, что обратятся за помощью к толпе, которая идет следом. Толпа побила караульщика (л. 771).

26 (13) июля в к. Уйчи толпа убила 1-го пятидесятника (л 686).

26 (13) июля в к. Тепе-Курган Шуркентского сел. о-ва Чутской вол. толпа в чайхане требовала от пятидесятника производить проверку списков днем, а не ночью, т. к. женщины жалуются, что их пугают конные караульщики, проезжая по ночам. Пятидесятник оправдывался тем, что во время уразы люди днем спят (л. 760).

27 (14) июля 1916 года к старшине кишлака Пап, Наманг. уезда Атабаю Алимбаеву пришли жители того-же кишлака Абдураюк Зайлибаев и Мухамед Юсуп Ходжа Мамаров и потребовал выдать списки почетным лицам для хранения. Списки спрятали в несгораемый шкаф Местного Кредитного О-ва. На следующий день после намаза толпа собралась на площади и потребовала выдачи списков. Когда же списки были вынуты из кассы Зайлибаева и переданы Хайдар-Али Мулле Исламову, то последний начал рвать списки и вся толпа направилась в мечеть, где торжественно списки сожгла (л. 272).

27 (14) июля в к. Чандаул, Тергаучинской вол., Наманг. уезда толпа около 1000 чел., требуя списки подошла к дому волостного, где находился в тот день участковый пристав. Окружив пристава, толпа принудила его выдать списки и набросилась на пристава и стражников, кидая в них камни и палки Полиция убежала. Толпа разгромила дом волостного, уничтожила канцелярские дела (л. 1053).

28 (15) июля в к. Кизил-Рават, Уйчинск. вол. Наманг. уезда явилась в дом кандидата старшины, толпа избила его сына, поломала сундуки, ища списки (л. 730).

28 (15) в к. Чадак, Наманг. уезда толпа, вооруженная револьверами, палками и камнями, ворвалась в дом волостного управителя, убила его, разгромила имущество и избила жителя Ма Закира Ходжа Таирбаева и пятидесятника, защищавших волостного (л. 888).

28 (15) в к. Яр-Курган, Уйчинск. вол. Наманг. уезда толпа потребовала от старшины списки. Получив отказ, толпа поломала железную решетку в мечети и избила старшину, отобрала списки и должностную печать (798).

30 (17) июля в с. Нижний Ашт, Наманг. уезда, толпа ворвалась в канцелярию волостного, уничтожила книги, убила брата волостного и писаря, затем напала на дом волостного, сожгла имущество, избила дядю волостного до смерти и разгромила торговые лавки (1089).

30 (17) июля в к. Пнук, Аштской вол., Наманг. уезда толпа, вооруженная камнями, палками, ножами, ворвалась в дом аксакала, похитила и уничтожила списки, подожгла этот дом, сгоревший до основания, тяжело избила аксакала, до смерти избила двух пятидесятников (л. 782).

30 (17) июля в кишлаке Верхний Ашт, той-же волости, Наманг. уезда огромная толпа, вооруженная ножами, камнями, палками и топорами, напала на усадьбу волостного управителя Рахмана Назара Саитбаева, уничтожила там имущество и казенные канцелярские дела, самого же Саитбаева убила (ф. 1, д. 110, л. 238).

26 (13) июля в Ошском у., с. Ходжа-Абад, Папской волости толпа человек в 25 отобрала списки у писаря и сожгла их в мечети (л. 591).

11 июля около 10 час. вечера в к. Ходживат, Ошского уезда толпа в 200 человек отобрала у волостного управителя списки и уничтожила их. 12 июля толпа вновь два раза являлась к волостному, ворвалась в дом его, разбила стекла, поломала двери, побила посуду (л. 598). 26 и 27 (13 и 14) июля толпа в пределах Буланбашинской волости, Ошского уезда, врывалась в дома аксакалов, пятидесятников, била стекла, пыталась разгромить дома (л. 555). В 12 час. ночи явилась в дом старшины, разбила сундуки, ища списки (л. 575).

В Ферганской области движение приняло характер местных выступлений, при чем все недовольство направлено было против выбранных должностных лиц, которые здесь не выступали вместе с населением и шли на стороне русской администрации. Под суд здесь, в отличие от Самаркандской области, попала тогда исключительно беднота. Богатые «почетные» уговаривали, сдерживали толпу. Например, из числа 17 человек, привлеченных по делу о волнениях в к. Чакар, Ошского уез-

да—16 земледельцев и один муэтзин, по образованию—15 неграмотных и 2—окончивших мектаб; владеющих недвижимым имуществом—11, не имеющих недвижимости—6, из них один батрак.

То есть, в Ферганской области союз между баями и вообще местными богачами и русским чиновничеством был настолько крепок, что при об'явлении набора местная буржуазия встала на сторону «белого царя». Поэтому и выступления дехкан были такими разрозненными, одиночными, несмотря на то, что все уезды в огромном количестве кишлаков были захвачены возмущением. Беднота не могла еще тогда выделить своих вождей. Она столетиями привыкла итти за «почетными», т. е. богатыми, поэтому осталась без руководителей, когда выступила против «почетных», волостных и кишлачных аксакалов и богачей.

В других районах Средней Азии движение носило иной характер. Там шла настоящая война, которая отвлекала значительные силы от внешнего фронта.

В Семиречьи движение началось в августе месяце. Здесь волнения приняли организованную форму. Отряды имели знамена, у некоторых на шапках были однообразные значки, бляхи, применялась сигнализация.

К 9 августа повстанцами были разрушены все почтовые станции и телеграфные сообщения от Курдая до (Алма-Ата) Верного. 6 волостей в окрестностях Пишпека и Токмака прервали сообщение с Пржевальском. Кое-как вооруженные массы сосредоточились в окрестностях Кастекских гор и в ущельях рек Аса, Чилика, Сусамара, большой и малой Кебени и в верховьях Таласса. Киргизы здесь захватили небольшой транспорт оружия (170 бердан и 40.000 патрон). Восстанием было захвачено все Семиречье. После усмирения, 39 волостей из Пржевальского и Пишпекского уездов и дунгане с. Мариинского перекочевали в Китай.

Туркмены (главным образом иомуды), подняв восстание в августе, до Февральской революции не были замирены полностью. Отряду русских войск (ген. Мадритов) пришлось потратить много сил, чтобы 9—13 января н/с 1917 года в боях у хребта Кара-Баир-Даг разбить войска повстанцев. Но небольшие отряды повстанцев продолжали беспокоить русских и в феврале, и в марте.

Это краткое и далеко не полное перечисление событий восстания 1916 года рисует это восстание, как массовое, в котором приняли участие наиболее обездоленные, эксплоатировавшиеся трудящиеся, туркмены, киргизы, таджики, узбеки, не только против русского правительства, туземных волостных управителей, но и помимо, через голову, а иногда и против баев, манапов, без активного руководящего участия со стороны туземной интеллигенции. Не имея организации, проходя разно-

временно в разных концах Туркестанского Края, не имея общего руководства, не имея оружия (вилы, палки, камни—вот чем были вооружены повстанцы) восставшие были осуждены на поражение.

Но вместе с тем, это восстание свидетельствует о наличии классовой дифференциации населения, об ожесточении трудящихся против баев и манапов задолго до Октябрьских событий.

Еще более убедительно это восстание доказывает, „что огоньки национальных восстаний *в связи* с кризисом империализма вспыхивали и в колониях..., что национальные симпатии и антипатии проявили себя вопреки драконовским угрозам и мерам репрессий". В 1916 году, когда тов. Ленин писал эти строки, кризис империализма казался далеким еще от высшей точки своего развития. Пролетарское движение внутри империалистических держав было совсем слабо. И все же тов. Ленин говорил: „Думать, что *мыслима* социальная революция без восстаний маленьких наций в колониях и в Европе, без революционных взрывов части мелкой буржуазии *со всеми ее предрассудками*, без движения несознательных пролетарских и полупролетарских масс против помещичьего, церковного, монархического, национального и т. п. гнета,—думать так, значит *отрекаться от социальной революции*". (Ленин, т. XIII, Ирландское восстание 1616 г.).

Восстание 1916 года в Средней Азии было первым, наиболее крупным ударом по царскому самодержавию и несомненно приблизила его к моменту „истощения" и приблизила февраль 1917 года.

Но жестокое подавление этого восстания, эмиграция десятков тысяч, мобилизация на тыловые работы, а затем голод 1917—18 г. подорвали то единство, которое наметилось среди трудящихся, обессилило бедноту и к Октябрьской революции, и после нее бай и манап с'умели вновь покорить и раздробить силы дехкан, часто выступая от имени всего населения в советах и других организациях. Медленно дехкан-бедняк и средняк, батрак и мардакер завоевывал свои позиции Октября. Только на 7 год Октябрьской революции, национальное размежевание дает во всем об'еме завершение Октябрьской революции в Средней Азии, привлекает батраков, мардакеров, бедняков и средняков—дехкан к управлению через советы.

Национальное угнетение узбеков, кара-киргиз, казак-киргиз, таджиков, туркмен и других народов Средней Азии со стороны русских помещиков, купцов и вообще русского империалистического государства закончилось, благодаря Великому Октябрю 1917 г., благодаря победе рабочего класса и крестьян в бывшей России над помещиками и буржуазией.

Угнетавшиеся десятки лет народы Средней Азии строят свои национальные Советские Социалистические Республики

при помощи рабочих и крестьян всего Союза ССР и никакая сила, никакие замыслы национальной буржуазии, изменников интересам трудящихся не могут возвратить народы Средней Азии под гнет мировой или местной буржуазии. «Джадиды», отдав лучших своих деятелей в ряды Коммунистической Партии, в части своей пошли за буржуазией и бесплодно мечтают о своей власти. Трудящиеся не пойдут за джадидами. Трудящиеся Средней Азии взяли у джадидов все, что было у них хорошего до Октябрьской революции—взяли идею новометодной школы, где дети скоро обучатся грамоте. Но никогда трудящиеся Средней Азии не пойдут за предателями. Одинокими останутся эти предатели, как это было во время Кокандской Автономии в декабре 1917 года.

Подлая, предательская политика джадидов и улемов, заключивших союз с английским империализмом, принесла много бед, разорила дехканское хозяйство. Обманом улема и джадиды увлекли дехкан Ферганы, Самаркандской области и Бухары в борьбу против Советской власти. Обманом они увлекли трудящихся в басмаческие отряды, которые разорили самих же дехкан.

Дехкане Средней Азии на опыте убедились, что их единственный друг и защитник—рабочий класс и трудящиеся крестьяне всего мира и особенно Советского Союза.

Вслед за народами Средней Азии это видят и угнетенные до сих пор английским, французским империализмом сотни миллионов населения Востока. Китай и Марокко, Египет и Индия все смотрят на Средне-Азиатские СС Республики, как на единственные в мире страны, где народы востока имеют свободу и независимость. Рабочие и крестьяне угнетенных стран поднимают восстание за восстанием и близко время, когда они сбросят ненавистную власть империалистов, как сбросили царскую власть рабочие и крестьяне Великого Союза Советских Социалистических Республик.

Приложение I.

Перевод инструкции, написанной на местном сартовском наречии.

Инструкция, врученная выборщиками гор. Ташкента Мулла-Абду-Вахит-Карию Мулла-Абду-Кариеву, выбранному в члены Государственной Думы, в Петербурге, от мусульман гор. Ташкента Сыр-Дарьинской области, Туркестанского края.

1. Присоединится к группе тех мусульман, которые входили в состав с‘езда мусульман Российской Империи, состоявшегося в Нижнем-Новгороде в августе месяце 1906 года и согласиться с теми пунктами составленной этим

с‘ездом программы, которые отвечают требованиям мусульман гор. Ташкента и его окрестностей; а если встретятся и другие нужды (для края), то основываться на письменном обещании (бывшего) Генерала Губернатора Черняева.

2. В третьем пункте постановления означенного с‘езда мусульман сказано: передать в ведение мусульманского духовного управления разрешение брако-разводных дел, вопросов о наследствах, выяснения личностей и других тому подобных дел, касающихся религиозных догматов. Но ввиду того, что означенные дела в Туркестанском крае разрешаются и теперь нашими казиями (судьями), то проблема наша должна заключаться в том, что все мусульмане как оседлые, так и кочевники, как сарты и киргизы, а также и татары должны быть подведомственны и подчинены требованиям шариата: в казии должны быть назначаемы по выбору самих мусульман живущих в вол. или частях (города) только такие лица, которые основательно знают шариат, независимо от того, из своей ли среды будут эти лица или же они пришельцы, и чтобы этими казиями разбирались бы всякие дела, возникающие между мусульманами—как то: иски, претензии и всякие споры, как на крупные, так и на мелкие суммы, рассматривались бы разные документы и всякие бумаги о вакуфах подлежащими казиями, без всякого вмешательства и притеснений со стороны начальства Русского Правительства.

3. Содержание четвертого пункта постановления с‘езда мусульман, ввиду предыдущего второго пункта настоящей программы не соответствует нуждам мусульман нашего края, а поэтому нам желательно, чтобы шесть человек членов, состоящих в Правлении Шейх-уль-Ислама (Духовное Правление) исполняло бы роль только аглямов и муфтиев, т. е. ограничивались бы при пересмотре решений с‘ездов казиев, только указаниями на их ошибки и погрешности, но отнюдь не составляли бы по сим делам своих решений; неправильные же решения с‘езда должны, с указанием на ошибки в них, препровождать на рассмотрение с‘езда казиев нового состава,—с тем однако, условием, чтобы решение этого последнего с‘езда не подлежало бы обжалованию.

4. Каждый с‘езд казиев, с общего своего согласия, должен назначить для своего района одного ученого и опытного человека для той цели, чтобы он следил и доносил с‘езду о намеченных им нарушениях шариата. Назначенный же с‘ездом такой человек должен быть утвержден еще и духовным правлением и содержание такому лицу должно быть выдаваемо из сумм, получаемых со вдов за совершение ими бракосочетаний, по району того-же с‘езда казиев.

5. В городах и селениях, где большинство населения составляют мусульмане, где должностные лица, стоящие по своему положению ниже начальника города и уезда—как-то: стар-

шины, арык-аксакалы и волостные управители, выбирались бы на должности самими жителями и состояли бы под начальством хакимов (начальников).

6. Беспрепятственно разрешались бы всем мусульманам купля и продажа недвижимости, без ограничения размера таковой, во всех местах Российской Империи и чтобы мусульмане эти свободно могли владеть такой недвижимостью без всякого ограничения.

7. Прошения, приносимые начальствующим лицам России, не оплачивались бы гербовым сбором;—избавить население края от платы податей за скот и от платы денег, требуемых Казенной Палатой с наследственных имуществ и всякого наследства, а также, ввиду упадка экономического благосостояния края, уменьшить на половину Государственный налог.

8. Упразднить в Туркестанском крае Управление Земледелия и Государственных имуществ, возвратить во владение туземцев в горах, степи и кочевые места и не заселять переселенцами без разрешения на то самих туземцев, земли орошаемые и богарные, также и камышевые заросли.

9. Народные судьи, писцы и другие должностные лица должны получать вознаграждения за свои труды в указанном размере с заинтересованных в деле лиц.

10. Все шариатные—духовные светские дела наши разбирались бы Духовным правлением и чтобы ни одно учреждение Русского Правительства не вмешивалось бы и не воспрепятствовало разрешениям подобных дел.

11. Ввиду крайней бедности населения, лишенного благоустройства в туземной части города Ташкента, предоставить самим право выбора лиц на должность полицеймейстера, упразднить должности двух приставов и 2-х помощников их, а также должности 4-х старшин, а на место их учредить только должности 4-х юзбашиев (сотские) и назначить 80 человек—джигитов. Деньги же, какие останутся, благодаря такому штату, в экономии, употребить на благоустройство города и исправление улиц, так как в прежние времена, когда штат должностных лиц состоял только из одного курбашия (полицеймейстер), 4-х юзбашиев и 80 джигитов, расход по содержанию их выражался в сумме менее чем 20 тысяч руб., а между тем, существующий ныне штат полицейских чинов требует расхода более 40 тысяч рублей, что отзывается обременительно и для жителей.

12. Число гласных от мусульман в Думе (городской) не должно быть меньше числа гласных от русских, а вернее, число гласных должно соответствовать числу населения, выбирающего от себя гласных. Для введения счетоводства по приходу и расходу по туземному населению должна быть учреждена отдельная касса, а также доходы, поступающие с общих городских имуществ, должны быть разделены между русским и

туземным населением и деньги, причитающиеся туземцам, должны поступать в кассу туземного же населения.

Переводили: Штатный переводчик Канцелярии Туркестанского Генерал-Губернатора Коллежский секретарь Илькин. Состоящий в распоряжении Туркестанского Генерал-Губернатора Надворный Советник *Т. Ниясбеков.*

(ф. 1 Охр. отд. д. № 367, л. 115—117.)

Членам от мусульман Государственной думы в Петербурге.

От выборщиков Аулиэ-Атинского и Чимкентского уездов Сыр-Дарьинской области.

1. Наименьшее наше желание заключается в том, чтобы мы в юридическом отношении всецело подчинялись бы требованиям шариата и чтобы в дела шариата никто из русских не вмешивался и не делал бы никакого ограничения и поэтому следует отменить закон, запрещающий народным судьям совершать следующие документы: совершение документа на недвижимость на сумму свыше трехсот рублей; совершение документа вакуф—намэ на недвижимость сарта, которая находится в русской части города и которую он, сарт, желает пожертвовать в вакуф и много другух ограничений для мусульман. 2) Отменить закон, на основании которого доктора насильственно производят вскрытие трупов убитых или умерших от каких-либо других причин мусульман, так как вскрытие трупов в глазах мусульман считается тяжким оскорблением и величайшим преступлением. 3) Приостановить отчуждение и заселение русскими земель, принадлежащих искони век мусульманам. 4) Право выборов мудариссов и имамов, а также постройки мечетей и школ предоставить самим прихожанам. 5) Приостановить ежегодное прогрессивное увеличение окладов государственных податей и из'ять (таковой оклад) из ведения податного Инспектора, оставив это дело по прежнему. Запретить Казенной Палате производить взыскания сборов с имуществ, оставшихся после смерти туземцев в пользу их наследников, так как уплата этих сборов отзывается на наследниках крайне убыточно,—и раздел наследства исключительно должны производить народные судьи на основании шариата. 6) Совершенно отменить адат (обычай) киргиз-мусульман, и дела их должны разбираться казиями, муфтиями, аглямами на основании шариата (закон) посланника Бога. 7) Все растительности, растущие в степях и горах, а также добываемая соль должны находиться в нашем пользовании, так, чтобы мы имели право употреблять

лес на топливо, выжигать уголь для продажи в городах, дабы этими средствами мы могли содержать свои семейства. 8) Отменить постановление, изданное в ноябре 1906 г., обязывающее мусульманских торговцев закрывать в русские праздники свои лавки, так как от такого постановления никакой пользы для Правительства нет, мусульманам оно приносит большой убыток. 9) Право выборов старших аксакалов предоставить самому туземному населению. 10) Чтобы ирригационные арык-аксакалы назначались из туземцев. 11) Производство экзаменов учащимся в мадрассах и мактабах должны совершать сами мударисы (учители) и совершенно из'ять это дело из ведения г. г. Инспекторов. 11) Существующие в городах туземные школы (подразум. русско-туземные школы) не приносят нам никакой пользы, ибо одновременное изучение двух предметов нашим малолетним детям недоступно, вследствие чего ни в одном из них не достигают должных результатов и расходы по содержанию этих школ приносят городу большой убыток. Поэтому упомянутые школы следует закрыть. Детей своих будем учить на свои средства в мактабах. Дети эти, по окончании полного курса мусульманских наук и шариата, могут по своему желанию продолжать свое образование и по другим наукам; но только на свои средства.

Покорнейше просим принять настоящую просьбу, в чем подписуемся Чимкентские и Аулиэ-Атинские выборщики: Каомджан Аубка, Симбаев, Мирха-мид Мирмахмудов, Идаят-Ходжа Бабаходжинов и Анарбай Суфибаев.—2-го марта 1907 г.
Переводили: Состоящий в распоряжении Туркестанского Генерал-Губернатора Надв. Сов. Т. Ниязбеков. Штатный переводчик при Канц. Туркестанского Генерал Губернатора Коллежский Секретарь Илькин.

С подлинным верно:

Отдельного Корпуса жандармов

Штаб Ротмистр (подпись не разборчива),

Ф. Охр. Отд., д. 367 л. 121—122).

Приложение II.

Мы все приветствуем и поздравляем Вас... (подразумевается граф Полен), как высокую особу, прибывшую... для расследования положения мусульман, как в политическом, так и в экономическом отношениях и для подыскания мер и улучшения нашего быта. А потому мы вкратце докладываем Вам о своих недостатках и нуждах через посредство настоящего нашего прошения и, изложив эти наши нужды в десяти пунктах, покорнейше просим Вас оказать должное содействие и удовлетворить наши нужды.

Наши нужды и недостатки: 1) те статьи положения, которые противоречат шариату и ограничивают политические и ша-

риатные права казиев, были бы исправлены, согласно нашему шариату. 2) Возвратить отобранные вакуфы наших мечетей и мадрас. 3) На должности инспекторов, имеющих надзор над религией, мактабами и мадрасами, назначались бы мусульмане, хорошо знающие наш шариат, веру, язык и воспитание. 4) Отменить закон 3-го июня, лишивший нас права выбора представителя в Государственной Думе, чтобы и нам было разрешено выбират от нас члена в (Государственную Думу). 5) Просим о снятии с нас чрезвычайной и усиленной охраны за нашу искренность и полное повиновение Правительству с правами русских и число первых соответствовало бы численности жителей (мусульман). 7) Со стороны Правительства не было бы препятствий и вообще не вмешивалось бы оно в дела духовные по вопросам об открытии школ и постройкам мечетей и медрас. 8) Отменить в туземных и городских училищах метод обрусения и ввести в таковые училища тот порядок воспитания, который отвечал бы духу нашего шариата и образу нашей жизни, в начальных училищах преподавание велось бы на нашем родном языке и, чтобы, как мусульманские учителя, так и русские пользовались бы одинаковыми правами. 9) Чтобы мусульмане имели бы свою постоянную духовную комиссию, состоящую из благонадежных и ученых лиц в числе 20 человек, и чтобы эта комиссия устраивала свои заседания еженедельно и 10) Рассмотрение жалоб туземцев, недовольных действием и решениями казиев, назначение для мечети имама и для мактаб и мадрас достойных учителей и ректоров, устранение последних, если они не в состоянии будут правильно исполнять свои обязанности, а также рассмотрение и других тому подобных духовных дел передавались бы на благоусмотрение вышеозначенной духовной комиссии, которая раз'яснения свои по сим делам должна представлять по начальству для приведения в исполнение.

Примечание переводчиков: Вышеизложенное прошение, никем не подписанное, представляет из себя черновик, написанный на местном сартовском языке.

Подлинное за надлежащими подписями

Верно:

Отдельного корпуса жандармов

Штаб Ротмистр (подпись неразборчива).

(Ф. 1, Охр. Отд. д. 367, л. 123).

Приложение III.

СПИСОК

выборщиков, избранных 27 января 1907 [illegible] збирательном участке Шейхантаурской части города Т[illegible]ен[illegible] для избрания члена Государственной Думы в Ташкент[illegible]дском изби-

рательном собрании туземного населения города Ташкента, составленный с соблюдением требований п. 11 приложения к ст. 102, 121, 123 и 124 Положения о выборах (изд. 1906 г.) Сыр-Дарьинскою Областною по делам о выборах комиссиею в заседании 6-го февраля 1907 года.

№№ по порядку	Фамилия, имя и отчество.	Постоянное местожительство	Служебное положение.	Полученное образование.
1	Азис-Ходжинов Ариф-Ходжа.	Ташкент	Купец, подрядчик, домовладелец города Ташкента.	Мусульманское в Ташкентском сартовск. мактабе (школа) и русское домашнее.
2	Махмут Ходжаев Ишан Ходжа.	«	Аглям (толкование шариата).	В медрессе Ишанкул Датха.
3	Абду-Расуль Ходжаев Абайдулла Магзум.	«	Сарт, преподаватель арабск. наук.	В медрессе.
4	Абду-Рауф-Кариев Абдувахим-Кары.	«	Учитель наизусть корана (кары) и арабских наук.	В медрессе.
5	Сеид Азимбаев Сеид Гани.	«	Подрядчик.	Домашнее.
6	Сеид Азимбаев Сеид Карим.	«	Подрядчик.	Домашнее.
7	Абду-Маликов Абду-Вали-Ходжи.	«	Купец торгов.	В сартовском мактабе (шк.).
8	Ата-Ходжаев Максут Ходжа.	«	Купец торгов.	В сартовском мактабе.
9	Мир-Вапаев, Мир-Дада-Ходжа.	«	Домовладелец.	В сартовском мактабе (шк.).
10	Ишан Ходжаев Саид-Али-Ходжа.	«	Торговец.	В медресе.

(Ф. Охр. отд., д. 367, л. 156).

СПИСОК

орщиков, избранных 27 января 1907 года в Кукчинском, зарском и Биш-Агачском избирательных участках туземной ти города Ташкента для избрания члена государственной ы в Ташкентском городском избирательном собрании от эмного населения города Ташкента, составленный с соблюием требований п. II приложения ст. 102, 121, 123 и 124 ожения о выборах (изд. 1906 г.) Сыр-Дарьинской Областной делам о выборах комиссиею в заседании 3 февраля 1907 г.

Фамилия, имя и отчество.	Постоян. место жительство.	Служебное положение.	Полученное образование.
Ишан-Хан, Агланов Мухамед Амин.	Ташкент	Городской арык-аксакал.	Медрессе.
Мулла Ша Исхаков Мулла Ша Мухетдин.	«—»	Мадрис-мадресе Кисяк-Курган.	Медрессе в Бухаре.
Мулла Карыев Алим Кары.	«—»	Имам и учитель при мактабе.	Карахана Иногам Ходжи.
Ша Ильяс Кариев Ша Гияз.	«—»	Торговец.	Медрессе Кулак Даш.
Маллябаев Ариф Джан.	»—»	Подрядчик.	Мактабе.
Муллабаев Ибайдулла.	«—»	Часовой маст.	Медрессе.
Мир Салимбаев Нигматулла.	«—»	Купец торгов.	Мактабе.
Сарымсыков Рахмен Берды.	«—»	Аглам при народном судье.	Медрессе.
Ханбабаев Ахмат-Баба.	«—»	Торговец.	Мактабе.
Юсуфбеков Ибраимек.	«—»	Нарсудья.	При мактабе и медрессе.

№ по поряд.	Фамилия. имя и отчество	Постоян. место жительство	Служебное положение	Полученное образование
11	Абдумаликов-Абду-Маулян бай.	Ташкент	Купец торгов.	Окон. туз. ш-лу Джан Куча.
12	Зия Магзумов Умар Кари.	«—»	Купец торгов.	Окон. туз. ш-лу Тушт-Хамам.
13	Мир-Садыков Мир-Исан.	«—»	«—»	Окон. туз. ш-лу Гишкупрюк.
14	Турсун Магомодов Мулла Пир Магомед.	«—»	Городсквй оценщик.	Медрессе в Бухаре.
15	Рахим Шейхов Тилля Шейх.	«—»	Торговец.	В туземн. школе Парча-баб.
16	Азизляр Ханов Ишан Бабахан.	«—»	Мударисс.	В Медресене Кази-куча.
17	Расуль Ходжаев Мулла Гудям Ходжа Магомед.	«—»	Народн. судья.	В Медрессе в Бухаре.
18	Артык-Ходжаев Джалад Хан.	«—»	И м а м.	Кон. школу Ходжа Тарашк.Бува.
19	Камаль - Ходжиев Мир Адиль Ходжи Мир.	«—»	Торговец.	В школе Аглям Гит.
20	Усман Ходжаев Саид Касым Ходжа.	«—»	«—»	В 3 русской туземн. школе.
21	Саид Бакиханов Магды Хан.	«—»	Землевладелец и торговец.	В медрессе в Бухаре.
22	Дададжанбаев Баkиджан.	«—»	Торг. имеет хл. очистит. завод.	В Медрессе.
23	Тюря Ммамхасанханов Тюря Хан.	«—»	Землэвладелец и ишан.	Медрессе в Бухаре.
24	Казакбаев Пулатджан.	«—»	Землевладелец.	Неграмотный.
25	Гияз Магзум Шамсутдин Магзум.	«—»	Землевладелец и ишан.	Модрессе в Бухаре.

№ по поряд.	Фамилия, имя и отчество	Постоян. место жительство	Служебное положение	Полученное образование
26	Расуль Мухамедов Асиль Аксакал.	Ташкент	Купец тор-вец.	Неграмотный.
27	Али-Мухамедов Хал-Мухамед.	«—»	«—»	Окон. школу Биш-Агач.
28	Абдул Касым Ханов Саид Бакихан.	«—»	Землевладелец и ишан.	В медерессе в Бухаре.
29	Юсуп Ходжаев Сайфутдин Хан.	«—»	Муфтий.	«—»
30	Адиль Ходжаев Тюря Ходжа.	«—»	Землевладелец и ишан.	«—»

Ф. Охр. Огд. д. № 367, л. № 157.

Содержание.

Страницы